

НООСФЕРНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ПРОБЛЕМА РИСКА

Мезенцев Ю.Л. – доцент, канд. философ. наук КФУ

Человечество не может остановиться в своём поступательном развитии, в постоянном улучшении условий жизни, рискуя совершить серьёзные непоправимые ошибки. Особенностью современной цивилизации является глобализационное развитие. Ошибочное решение глобальных проблем может привести к глобальной катастрофе. Человечество может погибнуть, либо в экологической катастрофе, либо в термоядерной войне. В связи с этим возникает проблема риска. Рисковать человечеству приходится во всём и во все времена. Риск – это категориальная характеристика человеческого бытия. Наша цель заключается в изложении такой характеристики в тезисном варианте.

Во-первых, человек, в отличие от других живых существ не приспособляется к окружающей среде, а преобразует её, создаёт искусственный мир, рискуя нарушить естественный порядок. Противоречие между естественным миром и искусственным есть фундаментальное противоречие человеческого бытия. Реализовывая свои проекты, мы тем самым вмешиваемся в естественный ход вещей. Это вмешательство может иметь как положительные, так и отрицательные результаты. Мы не гарантированы от трагических ошибок, но вынуждены рисковать, тем самым задумываться о природе риска.

Во-вторых, любые рискованные действия начинаются с реализации способности выбора. Выбор может осуществляться, исходя из объективных обстоятельств и из внутреннего мира субъекта.

В-третьих, выбор рискованных действий имеет место в любой предметной сфере. Но главный выбор – выбор не в предметном, а в аксиологическом плане. Он осуществляется в пространстве двух полюсов: риск в сотворении добра или зла, совершенствование мира и утверждение себя в нём или утверждение себя за счёт разрушения мира.

В-четвёртых, в зависимости от мировоззренческих позиций по-разному трактуется история и придаётся разное значение риску. Материалисты и сциентисты утверждают, что история задаётся объективными законами в разных сферах бытия (экономической, политической, информационных системах). Объективные идеалисты, религиозные философы заявляют о божественном провидении, реализации божественной цели. В этих мировоззренческих позициях нет место человеческим рискам, поскольку человек выполняет в истории чужую волю. Субъективные идеалисты говорят о хаотичности человеческой деятельности, нет в истории человечества общей направленности, общей цели, а имеет место постоянная игра в рамках

структур, лишённых центра. Риск здесь постоянно присутствует, но он не имеет никакого смысла.

В-третьих, в ноосферном мировоззрении, к которому обращаются всё больше людей, объединены положительные моменты материализма и идеализма. В этом мировоззрении история рассматривается не в отрыве от природы, а в неразрывном единстве. Общество здесь не имеет приоритета над природой и природа над обществом. Они самоценны. Также общество и отдельная личность самоценны в отношении друг к другу.

Учение о ноосфере было разработано В.И.Вернадским. Учёным была высказана идея о существовании информационно-энергетической оболочки Земли, разумной сферы, названной ноосферой. Данный материалистический, естественнонаучный подход к ноосфере необходим, но недостаточен. Ограничившись таким анализом ноосферы, мы можем ошибиться в её функциональной, мировоззренческой трактовке. Да наука познаёт объективные законы и даёт возможность успешно преобразовывать мир. Но к чему может привести человеческая деятельность, основанная лишь только на знании законов объективного мира, без свободы выбора и рискованного творчества своей жизненной позиции, без морально-нравственной оценке своего поведения? Ответ ясен. Человечество объединяет не только наука, но и искусство, мораль, религия, в целом культура, свободное творчество культуры. Ядром культуры является философия. Культура не сводится к науке. Философия культуры даёт более глубокое представление о рисках человеческой деятельности. А где гарантия, что свобода творчества, рискованное творчество культуры будет положительным, что это творчество не разрушит устойчивые структуры бытия. Потому и возникает у материалистов тяга к устойчивости и необходимости, к закономерным процессам и забвение проблемы риска. Но, ни свободная изменчивость, ни детерминируемая устойчивость сами по себе не могут являться преимущественным содержанием и критерием рискованного развития.

Вот здесь мы должны обратиться к положительному моменту объективно-идеалистической философии. А положительным в этой философии является признание существования единой духовной основы, объединяющей всех участников взаимодействия: природы, общества и отдельного человека. Оказывается духовная жизнь не сводится к культуре. Не напрасно П.Флоренский в своём письме В.Вернадскому предлагал сменить термин «ноосфера» на «пневмосфера», потому что дух не сводится к разуму. Да, духовная жизнь бессильна без объективной реальности и творческой рискованной деятельности субъекта. Но она позволяет в рискованном преобразовании бытия субъектом находить меру, быть ответственным в сохранении целостности мира. В данном случае речь идёт о развивающейся гармонии. К проблеме риска мы должны подходить с позиции именно философии развивающейся гармонии. Эта философская

система, обосновывающая ноосферное мировоззрение, разработана недавно умершим российским философом В.Н.Сагатовским. Он предлагает учение о ноосфере В.И.Вернадского скорректировать.

Нырков Максим Юрьевич
Студент 2 курса специальности Религиоведение,
ФГАОУ ВО ТА КФУ им. В.И.Вернадского

МОНОКУЛЬТУРНАЯ ЭКСПАНСИЯ КАК ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

1. В данной работе мы ставили перед собой задачу, выявить особенности формирования культуры с целью понимания, каким образом несколько культур могут сосуществовать и каковы оптимальные условия для их сосуществования. Объяснить межкультурное напряжение с позиции функциональной теории культуры. Для этого нами использовался системный подход, как базовый метод исследования объекта культуры, поскольку культура рассматривается нами как система множества связанных между собой элементов. В качестве основной теоретической базы была задействована функциональная теория Бронислава Малиновского, согласно которой форма элементов культуры определяется функцией этих элементов, а функция всегда связана с удовлетворением некоторой потребности. Из этого следует, что ликвидация или радикальное изменение любого явления традиционной и современной культуры напрямую повлияет на возможность удовлетворения соответствующей потребности.

2. В основе культуры всего человечества лежит борьба первобытного человека за выживание в агрессивной и враждебной окружающей среде. В процессе противостояния человека и природы, посредством сравнения были отобраны наиболее эффективные для дальнейшего развития, как материальные так и нематериальные, социокультурные элементы. Этих элементов сравнительно немного, но они представляют собой первоначальный каркас всей человеческой культуры, общий для всех рас и народов, и распространившийся по всему земному шару на самых ранних этапах миграции человека за пределы Африканского континента.

3. Существование рас подразумевает длительную изоляцию отдельных групп людей друг от друга. Это значит, что и развитие социокультурных систем проходило изолированно, своеобразно – без влияния извне.

4. Для построения качественной, позволяющей выжить системы, необходимо длительное время.
5. В основе развития любой традиционной культуры лежит борьба за выживание в агрессивной внешней среде, но нельзя выделить в качестве эталонной одну, наиболее подходящую для этих целей социокультурную модель. Все, дожившие до наших дней традиционные культуры, представляют собой эффективные системы выживания и адаптации. Отличия состоят лишь в ареале обитания представителей данной системы.
6. Со временем замкнутые системы стали более открытыми в связи с появлением средств передвижения, развитием торговли, стремлением людей к странствиям и др. Но, все же, взаимовлияние культур представляло собой процесс длительный, поэтапный и дозированный.
7. Масштабное соприкосновение культур всегда носило характер войны, агрессии в той или иной форме, поглощение или замещение одной социокультурной модели другой. Истории известно очень мало случаев мирного, сбалансированного сосуществования разных социокультурных моделей, что говорит о существовании принципиальных различий в ключевых элементах системы, которые в принципе не могут существовать одновременно.
8. В условиях экспансии одной социокультурной модели на другую, обязательно возникновение сопротивления этой экспансии. Как правило, сопротивление выливается в рост националистических настроений, что выражается как в пассивной, так и в активной формах.
9. Межкультурный обмен часто носит и позитивный характер, например обмен технологиями, достижениями в сфере медицины, сельского хозяйства и др. То есть, при развитии общих для всех культур ценностей, система не страдает, а развивается и укрепляется в своем основании. При вмешательстве в уникальную структуру каждой отдельной системы, неизбежно сопротивление, так как такое вмешательство угрожает существованию этой системы.
10. Наблюдаемое в наши дни явление экспансии Западной культуры на территорию всего земного шара в попытке монополизировать все доступное культурное пространство неизбежно ведет к противодействию этой экспансии со стороны традиционных культур. Глобализация, в культурном смысле этого слова, в век высоких технологий вряд ли возможна из-за скорости обмена информацией. В таких условиях культурный обмен становится навязчивым, а не постепенным, и воспринимается как опасное явление.

11. Таким образом, для мирного сосуществования нескольких культур одновременно на одной территории необходимо соблюдение как минимум двух следующих условий:

1. действия одной культурной модели не должны препятствовать удовлетворению базовых потребностей другой. Наоборот, необходимо содействие, а именно обмен в сфере технологий и достижений, способствующих укреплению общего для всех базового социокультурного компонента – улучшению качества жизни;
2. действия одной культурной модели ни в коем случае не должны прямо или косвенно угрожать целостности всей структуры другой культурной модели. Необходимо помнить, что социокультурные компоненты более высокого уровня, надстроенные над базовым, не абстракция, и какой бы причудливой не казалась их форма, она всегда обусловлена функцией удовлетворения базовых потребностей.

Источники

1. Малиновский Бронислав Научная теория культуры / Пер. с англ. И. В. Утехина; сост. А. К. Байбурин. 2-е изд., испр. — М.: ОГИ, 2005. — 184 с.
2. Emile Durkheim *The Elementary Forms of the Religious Life* / Эмиль Дюркгейм - «Элементарные формы религиозной жизни», 1915.
3. Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations?* — *Foreign Affairs*, Vol. 72.- № 3.- Summer 1993.- PP. 22-49.
4. Макс Вебер Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.— (Социологич. мысль Запада).- С. 44-271.
5. Ефименко П.П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени.- Ленинград, 1938 г.- 658 с.
6. Дробышевский С.В. Авторский проект «Достающее звено» <http://antropogenez.ru/zveno/>

Переход С. О. к. ф. н. (Республика Крым, Симферополь)

Восточно-христианская цивилизация: теоретико-методологические проблемы современной идентификации

Данная статья посвящена теоретико-методологическим проблемам современной идентификации восточно-христианской цивилизации. Рассматривается феномен цивилизации и типы феноменологического

изучения (евроцентристский, теократический и цивилизационный), В рамках этого на основе историко-философского анализа генезиса и истории восточно-христианской цивилизации выделяются основные атрибуты идентификации:

- 1) экономический и политический солидаризм (признание тезиса «не общества для элиты, а элита для общества»), то есть формирования общей идеи для всех социальных и национальных групп для достижения единой цели;
- 2) религиозный традиционализм (укрепление и защита традиционных конфессий, в особенности православия и мусульманства, которые являются основами восточно-христианской цивилизации);
- 3) цивилизационный антиглобализм (признание Русского государства как стержня восточно-христианской цивилизации);
- 4) демографический национализм (урегулирование миграции, учитывая интересы местного населения);

На современном этапе развития мира выше перечисленные атрибуты восточно-христианской цивилизации приобрели более важный характер в условиях морального релятивизма, и агрессивной попытки западно-европейской цивилизации доминировать на геополитическом пространстве Евразии. Именно восточно-христианская цивилизация является центром базисных христианских ценностей. Именно Россия как стержень восточно-христианской цивилизации является носителем и проводником духовного начала в процессе формирования более справедливого мироустройства на основе православных ценностей.

Список литературы

1. Колесов М. С. Очерки о русской философской культуре/ Севастополь.: СГТУ.- 1999.- 152 с
2. Лосский Н. О. Характер русского народа/ М.: Ключ, Т. 1.-1990.-63с.
3. Лосский Н. О. Характер Русского народа/ М.: Ключ, Т.2.-1990.-96с.
4. Ильин И. А. Путь духовного обновления// И. А. Ильин. Соб. Соч. Т.1 .- М.: Русская книга.- 1993.- с. 39-282

Пороховская Т.И.
канд.филос наук,
г. Москва

Моральная риторика в политическом дискурсе

Мораль и политика - настолько различные способы совершения как исторического, так и индивидуального выбора, что между ними легче провести различия, чем обнаружить что-то общее. Если в политике ставится вопрос о целесообразности тех или иных методов достижения цели, то в морали - вопрос о допустимости, оправданности как целей, так и средств. Часто политика и мораль действуют автономно друг от друга, исходят из разных критериев в оценке одних и тех же деяний, а если и сходятся, то лишь в немногих пунктах. Моральные ценности (общее благо, справедливость, гуманность и др.) могут быть ориентирами в политике, но могут и открыто игнорироваться и попирацца. Поэтому существует устойчивое мнение, что из всех сфер общественной жизни политика в наибольшей мере подвержена деморализации.

Предметом настоящего исследования является не характер взаимосвязи морали и политики, а анализ причин, по которым моральная риторика так широко используется в публичной политике. Публичной политики без моральной риторики не существует. Это связано с тем, что собственно политический язык абстрактен, невыразителен, вследствие чего обладает очень небольшим потенциалом эмоционального воздействия, а большинству к тому же малопонятен («суверенитет», «абсолютизм», «институты», «либерализм», «коммунитаризм», «мажоритарная система» и т.п.). На нем можно обосновывать идеи в политологических трактатах, но он малопригоден для непосредственной политической коммуникации. Моральный же язык обладает особой действенностью и суггестивной мощью. Он способен и возвышать, облагораживать поступки и явления («торжество справедливости», «триумф добра», «священная жертва», «правое дело», «небесная сотня»), и бить наотмашь, используя для этого как собственно моральные термины, так и метафоры, хлесткие ярлыки с моральным подтекстом («ворюга», «кровопийца», «бесстыдная, преступная власть», «совок», «партия жуликов и воров», «дерьмократия», «либерасты», «колорады», «ватники» («вата»)). Использование морального языка резко сокращает путь от словесных призывов к поступкам, поэтому моральная риторика часто используется в политике инструментально, как средство для реализации политических целей, орудие коллективного внушения - вербовки и объединения единомышленников или морального уничтожения политических противников.

В политическом дискурсе активно эксплуатируются особенности морального языка. Моральный язык опирается на идеалы, надежды, ожидания людей, на авторитет морали, он требует слепого доверия к себе, способен пренебрегать противоречиями, сопротивляться объективным фактам и разумным доводам. Моральная риторика используется в политическом дискурсе также для того, чтобы не называть вещи своими именами, скрывать, камуфлировать или приукрашивать свои истинные

намерения, облагораживать свой имидж или прикрывать свою некомпетентность. Р.Рорти оправдывал агрессию НАТО против Югославии в 1999 г. ссылкой на то, что там «хорошие парни» боролись с «плохими парнями». Даже в официальных документах военного блока НАТО вместо военной лексики – моральная («ответственность», «партнерство во имя мира», «против насилия», «сотрудничество», «доверие», «свободные, честные отношения»). Многие понятия, используемые в политической лексике, не имеют точного смысла, многозначны («свобода», «безопасность», «процветание», «справедливость»).

Неправомерная экспансия моральной оценки в те сферы, где она неприменима, называется морализаторством (морализацией, морализированием, демагогией, доктринерством, риторикой), а сознательное использование моральной риторики с целью скрыть свои истинные цели и исподволь навязать свою волю является ничем иным, как обманом наивных, не искушенных в политике людей, т.е. принуждением (насилием). Там же, где отстаиваемые цели иначе, чем несправедливыми, не назовёшь, политики, эксплуатируя авторитет науки, прибегают к научному жаргону, аргументам эффективности и т.п. Так, необходимость сохранения плоской шкалы налогов в нашей стране обосновывают большей собираемостью налогов, чем при прогрессивной шкале налогообложения. Все, что вызывает подозрения, будучи выражено на моральном языке, можно без стеснения выразить на птичьем языке науки, и вас поддержат.

Политические речи в одних случаях могут иметь цель разделить, столкнуть людей, разжечь ненависть, зависть, спровоцировать агрессию, в других – объединить людей или создать иллюзию социального единства («мы – один народ», «мы – европейцы», «свобода – наше последнее прибежище», «правда на нашей стороне»). Одни и те же явления, в зависимости от отношения к ним политика, в политической лексике могут обозначаться разными терминами, несущими в себе различную моральную оценку: «суверенитет» – «сепаратизм», «кризис» – «спад», «убили» – «устранили» («нейтрализовали»), «убийца» – «киллер» (т.е. профессионал, исполняющий свое дело), «война» – «миротворческая («антитеррористическая») операция».

К. Шмитт выдвинул тезис о том, что в политике имеется собственный, специфический критерий - оценка контрагента отношений с точки зрения того, является ли он другом или врагом. В морали отношения оцениваются с помощью противоположных критериев «добро» и «зло», в искусстве для оценки используется противоположность «прекрасного» и «безобразного», в политике же адекватным критерием Шмитт считает различие между другом и врагом. Речь идет не о личном враге, а о публичном - людях или группах людей, угрожающих способу существования моей группы: с ними следует вести себя иначе, чем с друзьями, - настороженно, бдительно. Отношения «друг-враг», по Шмитту, определяют политический характер общества, и там, где они появляются, можно говорить о собственно

политике. Если же народ не способен к этому различению, он прекращает существовать политически. Если же он позволяет, чтобы кто-то чужой предписывал ему, кто есть его враг и против кого ему следует бороться, он политически несвободен (или подчинен иной политической системе, или включен в нее).

Цели политической деятельности могут быть как моральными (благо своего народа, справедливость и др.), так и эгоистическими (личное благо, интерес своей группы). Моральные цели объединяют людей, поэтому политики их охотно демонстрируют, если они имеют место. Корыстные же или другие предосудительные с точки зрения морали цели политики скрывают, камуфлируют, отсюда обыкновение политиков говорить об одном, чтобы скрыть другое. Поэтому язык, на котором говорят с обществом банкир, генерал, промышленник, чиновник, Ж.Делёз и Ф.Гваттари назвали шизофреническим («Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип»).

Таким образом, мораль и политика – это общественные сферы, часто функционирующие автономно друг от друга. Моральные ценности – ценности гуманизма и справедливости, честности, ответственности и др. – могут быть и ценностями политики, а могут и игнорироваться в политике, но в политической риторике используются всегда. Если в политике ставится вопрос о целесообразности тех или иных методов достижения цели, то в морали – вопрос о допустимости, оправданности как целей, так и средств. Специфическим способом мышления и аргументации в политике является утилитарный (соображения полезности или вредности, выгоды или невыгоды). Апелляция к морали усиливает политику, делает ее привлекательной и более действенной, поэтому моральная аргументация часто используется в политике инструментально, как средство для реализации политических целей.

Рубанцова Т.А.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

В РАМКАХ РАЦИОНАЛЬНОГО КОНСЕНСУСА

Ключевые слова: принцип социальной справедливости, коммуникативная рациональность, гражданское общество, рациональное действие, переговорный механизм.

Keywords: communicative rationality, civil society, rational action, the negotiation mechanism, the principle of social justice

В современную эпоху социальное пространство между государством и гражданским обществом претерпело существенные изменения, в нем стали преобладать новые социальные объекты, имеющие системный характер, в которых традиционные методы принуждения были неэффективными. В современном обществе появилась необходимость создавать механизмы взаимодействия между обществом и государством, в которых были бы обратные связи между элементами системы. В статье предпринята попытка обратить внимание на взаимодействие народа и власти через демократические процедуры коммуникативной рациональности, разработанные Ю. Хабермасом.

В настоящее время для России проблема формирования гражданского общества и становление демократической модели управления обществом особенно актуальна. Российское общество можно отнести к переходным социальным системам, оно находится на стадии становления. Мы наблюдаем попытки внедрения элементов и структур гражданского общества в социальное пространство России сверху, от власти держащих, что часто приводит к дисфункции всей социальной системы. В общественной системе включаются защитные механизмы, и она обретает устойчивость, но не за счет внедрения новых демократических элементов в социальное пространство и формирования новых субъектов, а за счет увеличения внутреннего напряжения и отрицания новаций. В России происходят эти процессы на протяжении длительного времени, так как исторически Россия постоянно развивается в условиях догоняющей модернизации. Трагизм общественного развития нашей страны состоит в том, что в ней было не достаточно устойчивых социально - правовых традиций формирования гражданского общества.

Рассматривая нашу историю можно отметить непоследовательность социальных реформ, их неэффективность. Восстание декабристов привело к существенному ослаблению демократических тенденций развития российского общества того времени, реформа 1861 года не привела к желаемым результатам. Идеи либерализма в дореволюционной России проводила интеллигенция, которая, как известно, была «страшно далека от народа», просвещению народа носило декларативный характер, так как носители идей до конца не понимали последствий своих действий. В Российской империи ввиду отсутствия «третьего сословия» и консерватизма дворянства движение в сторону преобразований возглавило государство. Либеральные реформы проводились «сверху», они не проникали глубоко в массовое сознание, не стали частью менталитета народа, не привели к формированию правовой основы гражданского общества. Такое положение дел сохранилось и в советский период.

Эта тенденция сохраняется до настоящего времени. Современные преобразования также нельзя считать успешными с точки зрения активного развития гражданского общества, формирования многоуровневых обратных

связей между государством и обществом, развитием правовой культуры населения. В современной России правовая культурная составляющая не достаточно отражена и в программах политических партий, что обусловлено, во многом историей развития идей либерализма в России. В русской философской мысли доминирующей идеей была свобода индивида, защите прав и гражданской позиции личности уделялось не достаточно внимания. Революцией 1917 года была уничтожена правовая либеральная традиция общества, которая была достаточно эффективной, а в процессе ее реставрации было многое безвозвратно утеряно. Именно здесь стоит искать истоки правового нигилизма всех слоев населения нашей страны. Таким образом, до настоящего времени развитие институтов гражданского общества не имеет прочных социокультурных оснований в российском обществе. Более того, даже теоретическая конструкция «гражданского общества» недостаточно разработана в российской общественной и правовой науке. Представляется, что при решении данной проблемы – аналитического обоснования развития гражданского общества в России новые и еще не использованные возможности дает понятие коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса [1,с.130.]

Ю. Хабермас выдвинул понятие коммуникативной рациональности для противопоставления системе инструментальной рациональности классического модерна. Философ разработал теорию коммуникативного действия, где основным инструментом формирования социальных отношений выступает рациональность. Эта теория подверглась критике представителями Франкфуртской школы. Т. Адорно и М. Хоркхаймер утверждали, что современный человек в условиях роста науки и промышленности не может осуществлять контроль за негативными последствиями своей деятельности, которая порождена его же рациональностью.

Философ не соглашается со своими предшественниками в критике теории инструментального разума. Он считает, что есть основания для исторического оптимизма. Философ рассматривает рациональность действий человека, который должен перейти от чисто рационального действия к коммуникативному. Он распространяет сферу рационального коммуникативного действия на социальную реальность участников этого процесса. Современный мир формируется на основании практик индивида, который вступает во взаимодействие с социальной реальностью. На основе анализа современных социальных практик Хабермас выявляет структуры рациональной деятельности, которую можно координировать. Цель такого действия - достигнуть взаимодействия всех участников социальной коммуникации. Однако, как отмечает философ, возможности рационального консенсуса ограничены. В данной социальной структуре возникает системный эффект, в связи с тем, что интересы участников социальной коммуникации сталкиваются. Поэтому именно коммуникативная

рациональность позволит сформировать пространство свободы и демократии в обществе [2, с. 96—97]. Данное понимание коммуникативной рациональности имеет большой потенциал для решения проблемы взаимодействия гражданского общества и государства в современной России. Применение принципа взаимодействия всех граждан на основе коммуникативной рациональности позволит сформировать и решить социальные и политические задачи, стоящих перед страной.

В связи с реализацией принципа коммуникативной рациональности в социальные практики необходимо отметить проблему реализации принципа народного суверенитета при построении гражданского общества в России. Сложность реализации этого принципа в нашей стране связана с тем, что народ, который должен формировать государственную власть, не является единым политическим субъектом, наделенным волей, сознанием и способностью принимать ответственные решения. Кроме того, процессы самоорганизации общества не способны решить все проблемы равного участия всех граждан в управлении государством, а также не могут согласовать интересы всех при принятии политических решений. Следовательно, важнейшей задачей на пути построения взаимодействия гражданского общества и государства в России является задача формирования рациональных коммуникаций, позволяющих согласовывать и объединять интересы большинства граждан [6, с. 84].

Механизмы участия и представительства граждан во власти находятся в центре внимания социальной философии. Создатели теорий общественного договора начиная от Дж. Локка до Дж. Роулза, авторы теорий коллективного выбора, и другие ученые, занимаются проблемой выявления методов согласования социальных и политических целей народа и власти. В качестве таких теорий можно упомянуть теории политического и общественного выборов, разработанные лауреатами Нобелевской премии Д. Стиглером в 1983 г. и Дж. Бьюкененом в 1987 г. Сложной проблемой общественного выбора является анализ предпочтений народа. Общественный механизм принятия решений с точки зрения коммуникативной рациональности предполагает, что законодатели должны представлять в политическом процессе интересы своих избирателей, а для этого, необходимо располагать информацией о предпочтениях избирателей и соотносить свои индивидуальные предпочтения с ними. Решения, принимаемые в результате этих действий, должны соответствовать критериям справедливости и рациональности с точки зрения народа, а не законодателя [3, с. 136].

Проблема заключается в том, что законодатели имеют собственные интересы, которые при решении проблемы становятся приоритетными. О предпочтениях избирателей помнят только в процессе выборов, а сложность сбора информации о предпочтениях электората только усугубляет эту проблему. В современном демократическом обществе необходима

разработка проблем коммуникативных механизмов взаимных связей в процессе общественного выбора[4.с.33].

Проект механизма выработки и принятия принципов социальной справедливости при достижении консенсуса может быть построен на основе коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса. Эта модель описывает рациональные технологии анализа и сбора информации о проблемах, которые волнуют граждан, формирование обратных связей, которые обеспечат взаимодействие законодателей и населения[9,с.109]. В данном процессе будут сформированы основные принципы, их реализация и правовое закрепление. С учетом изменяющейся ситуации и изменяющихся интересов граждан предметом рационализации становятся не сами принципы справедливости, а технологии, позволяющие постоянно корректировать процесс взаимодействия народа и власти[5,с.60]. Коммуникативная рациональность может воплощаться в информационном обмене между органами власти и народом, в практике социальных экспертиз, во взаимодействии власти с общественными организациями, политическими партиями, в переговорных процессах между населением и властью. Участие в данных коммуникативных проектах представителей власти, с одной стороны и общества – с другой, будет способствовать формированию новых коммуникативных систем участников, преодолению культурного разрыва между гражданским обществом и властью. Можно надеется, что ментальность политической элиты изменится, в научной литературе разрабатываются идеи «служения», «сервисного управления», «толерантности», однако этого не достаточно, чтобы общественное сознание по-новому осмысливаются взаимодействие государства и гражданского общества.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Лекции и интервью. Москва, апрель 1989. М.: Академия. 1995. 186 с.
2. Habermas. J. Theory and Practice. Transl. By T. McCarthy. London: Heinemann, 1976. 329 P.
3. Рубанцова Т.А. Правовая институализация Ю. Хабермаса в построении гражданского общества в России // Идеи и Идеалы Т.1. №2 (20). С.82-86.
4. Рубанцова Т.А. Проблема формирования гражданского общества в России. Научные труды Российской академии юридических наук. М: МГЮА, 2004. 536с.
5. Рубанцова Т.А, Колтунова Н.В. Формирование гражданского общества в России: социально-философский аспект // Гражданское общество и правовое государство. Барнаул: Алтайская академия экономики и права, 2004. Т.1. С.32-35.
6. Рубанцова Т.А. Проблема правовой институализации гражданского общества в условиях модернизации российского общества. // Гражданское общество в России за рубежом, 2013. №3 (14). Т.1. С.32-35.

7. Петренко В.В., Эннс И.А. Дискурс справедливого: социально-философский и герменевтический проекты // Вестник ТГУ, 2014. №374. С.59-63.

Обобщенный нестандартный анализ и исследование форм логического исчисления на основе структур значений оценки.

Титов А.В.

На развитие современной формальной логики оказывает значительное влияние развитие математического знания. Однако и современная логика не свободна от проблем, возникших в процессе развития традиционной логики. В частности предметом дискуссий являются законы логики или, переходя на язык математической логики, тавтологии логического исчисления. Система законов классической логики подвергалась критике, как со стороны диалектики, так и со стороны формальной логики. Результатом критического анализа законов логики стали системы, в которых не действуют законы исключенного третьего и противоречия. Однако формирование таких неклассических логических систем не имеет систематического характера, они не объединены в систему и связи между ними проследить не всегда легко, а порой и невозможно, особенно если построения носят синтаксический характер. В случае, когда объектом исследования являются типы исчислений в математической логике, таким объединяющим моментом может служить понятие оценки, значение которой в математической логике играют роль истинности формул алгебры логики.

В общем случае алгебра $\langle F_m, o_1, o_2, o_3, \dots, o_n \rangle$ формул языка нулевого порядка L_0 является свободной в классе R универсальных алгебр $\langle A, o_1, o_2, o_3, \dots, o_n, \rangle$, в которых операции с одинаковыми индексами имеют одинаковую размерность. Множество V_0 всех пропозициональных переменных языка L_0 является системой свободных образующих в F_m .

Оценка языка L_0 есть отображение $v: F_m \rightarrow A$, где A алгебра подобная алгебре $\langle F_m, o_1, o_2, o_3, \dots, o_n \rangle$, при этом отображение v есть гомоморфизм множества формул в алгебру, элементы, которой служат значениями оценки. В частности, если A -решетка, то можно воспользоваться определением, данным Любецким:

«Оцениванием (оценкой) в данном языке для фиксированной решетки X называется сопоставление каждой формуле ϕ элемента из X , обозначаемого $\|\phi\|_X$ или короче $\|\phi\|$, причем логические связки языка моделируются операциями в решетке X .»

Следствием этих определений является то, что понятие оценки позволяет исследовать вопрос о том, как количественные изменения и сопоставляемый

им тип меры на структуре оценки определяют качественный тип логики, зафиксированный в системе аксиом логического исчисления.

Следует так же заметить, что в математической логике, во всех вариантах исчислений речь идет об оценке на некоторой структуре, а не об истинности, хотя этот термин и применяется, здесь вообще не поднимается вопрос о том, что такое истина и истинность и соотношение этих понятий требует отдельной проработки.

В описанном в [1] подходе рассматривались отображения алгебры формул на алгебру значений оценки, являющиеся гомоморфизмами. Обобщением этого подхода на случай алгебры оценок с дополнительной структурой может служить подход, основанный на использовании теоретико-категорного представлении.

В частности, такой подход используется в нестандартном анализе, которой «есть алгебро-логический метод, основанный на рассмотрении оценок и в основном применяемый для изучения объектов, представимых в виде глобальных элементов некоторого пучка.» [2].

В плане философии математики, нестандартный анализ является примером не только действия разделения при рефлексии, но и примером разрешения противоречия в новое единство, т.е. примером разумного хода. При непосредственном восприятии истинности того или иного утверждения объект, в данном математический, рассматривается в целом. В частности, пусть речь идет о сравнении функций $f(x)$ и $g(x)$. Возможны четыре вида отношения между ними:

$f(x) < g(x)$, $f(x) > g(x)$, $f(x) = g(x)$, $f(x)$ и $g(x)$ несравнимы. При этом, для каждого конкретного x выполняется одно из первых трех отношений, четвертая возможность означает, что в разных точках выполняются разные отношения, а каждое и приведенных отношений между функциями считается выполненным лишь если оно выполнено для всех x . Таким образом, сравнение таких объектов как функции отождествляется со сравнение таких объектов как значение функции в точке, причем отношение выполнено, если выполнена тождественная ситуация, заключающаяся в том, что оно выполнено для каждого нового объекта – значения функции в точке x . В этом собственно и заключается то, что Гегель обозначил как выход за пределы непосредственного, определение и разделение его. В то же время переход к рассмотрению значений функций в точке позволяет говорить о локальной истинности одного из отношений или о их истинности в определенных областях области определения функции. Разделение рефлексии здесь заключается в том, что разделяются истинные и не истинные высказывания относительно выполнения отношения, причем оно выполнено, если это отношение выполнено для значений во всех точках области определения. В нестандартном анализе рассматривается случай, когда невыполнение отношения на области меры 0 не влияет на результат,

утверждение об истинности отношения остается в силе – это пример того, как объединяются утверждения первоначально противоречивые.

Вторым "объединяющим" аспектом может служить выбор языков, связанных с описанием структур, включающих в себя структуры более низкого уровня в их иерархии.

В частности, [1] показано, что в обобщенной форме силлогизмы логики Аристотеля могут быть выражены на языке импликативных решеток.

И использование импликативных решеток в качестве структур оценки позволяет получать логики без закона исключенного третьего и противоречия.

Другим уровнем обобщения является использование языка теории категорий.

При таком подходе «логики» как вид исследования структур представляют собой семейство функторов из категорий, соответствующих формальным теориям в категории структур, на которых принимает значение оценка. Иными словами в категорном подходе оценка есть функтор, сохраняющий дополнительную структуру. При таком подходе вид минимальной логики «образующей» будет определяться типом функтора и, следовательно, минимальные логики будут представлять собой семейство, определяемое семейством баз, предбаз, образующих и т.д. структур значений оценки. Нельзя исключать и того, что сюда войдут функторы как гладкие отображения многообразий, поскольку в обиход уже введен термин «локальная истинность», в частности в [3] рассматривается язык PL, в который включена новая связка ∇ и если α формула этого языка, то формула $\nabla\alpha$ читается «локально имеет место, что α ».

Литература:

1. А.В.Титов. Семантический анализ логических исчислений// Материалы Второй международной научной конференции «Философия математики актуальные проблемы».-М.: МГУ,2009. сс. 140-144.

2. В.А.Любецкий. Некоторые применения теории топосов к изучению алгебраических систем.// П.Т.Джонсон. Теория топосов.-М.: «Наука», 1986.- сс.376-430

3.Р.Гольдблатт. Топосы. Категорный анализ логики.-М: Мир, 1983, -468 с.

Проблема формирования методологии математического моделирования задач прогнозирования и управления развитием сложных систем.

Титов А.В.

E-mail: a.v.titov@mail.ru

Моделирование процессов управления сложными объектами и прогнозирование их развития сталкивается с трудностями связанными с тем, что признанные классическими методы формального моделирования не всегда эффективны при описании динамики развития таких объектов. Методы формального моделирования таких объектов и процессов не систематизированы, их применение не базируется на единой методологии, что снижает эффективность их применения.

К способам повышения степени адекватности моделей сложных объектов и процессов, для которых не эффективно классическое «жесткое моделирование», «мягкое моделирование».

Мягкие модели могут оказаться полезным инструментом для моделирования сложных объектов, поскольку на основе использования мягких моделей, можно, делать выводы для целого ряда жестких моделей, получаемых с помощью исходной мягкой модели путем вариации значений коэффициентов модели, что, может отражать изменение степени весомости параметров влияющих на оценку состояния объекта описания. В частности, при изменении коэффициентов модели экспоненциальный рост может меняться в определенных «точках перегиба» на более медленный. Мягкие модели позволяют так же учитывать при описании сложных объектов некоторые «подводные камни» жестких моделей.

Эвристические модели применяются в задачах прогнозирования и управления развитием объектов при невозможности строгой формализации их описания и основаны на использовании интуитивных представлений специалистов-экспертов. Имеется множество примеров того, что на основе интуитивных, не поддающихся строгой формализации представлений принимались эффективные управленческие решения.

Эвристические модели основаны, в частности, на использовании интуитивно «ясного» критерия качества и правдоподобных рассуждениях о способах достижения его максимальных значений. В своей экстремальной (можно сказать и экстремистской) форме эвристики вообще отрицают необходимость математического моделирования.

Для описания динамики состояний сложных объектов и перехода их в новые фазовые состояния полезными могут оказаться фрактальные модели в их сочетании с нечеткими и эвристическими моделями. В частности параметры модели развития: $Z_{n+1} = K(t)Z_{pn} + C(t)$ могут иметь не только

сложную структуру и нечетких характер, но и обладать динамическими свойствами как в «мягких» моделях В.И.Арнольда.

Суть описания динамики развития состояний объекта управления в их подобии некоему исходному эталонному образу, т.е. в описании процесса самоподобия и определения зоны его устойчивости.

Чтобы получить некоторое представление о специфике фрактальных моделей процессов развития, нужно обратиться к особенностям генетических теорий.

При моделировании состояний сложных объектов мы можем сталкиваться с ситуациями, в которых нарушаются законы классической формальной логики с законами исключенного третьего и противоречия. Следовательно, моделирование объектов сложной природы требует привлечения формальных методов моделирования основанных на разных типах логики. Адекватность выбранного метода формального моделирования во многом определяется пониманием взаимосвязи между формальными системами с различным типом логики.

Можно показать, что при определенных условиях тип логического исчисления связан со структурой, на которой принимает значение оценка формул этого исчисления [1].

Литература.

1. А.В.Титов. К проблеме математического моделирования задач управления и прогнозирования развитием сложных систем.// Управление развитием крупномасштабных систем. Труды шестой международной конференции. Том2. –М.: ИПУ РАН 2012, сс.298-307.

.Фахрутдинова А.З.

Современный российский театр в борьбе за духовное лидерство: тенденции и конфликты

Духовное лидерство театра – это лидерство особого рода. Его суть – не давать ответы, а ставить вопросы, не задавать и обосновывать ценности, а раньше других форм духовности выявлять коллизии в иерархиях ценностей и делать их доступными, осознаваемыми людьми. Театр репрезентирует ценности и ценностные коллизии общества, возможные векторы ценностных изменений. Такого рода работа предполагает рефлекссию человека над собственной системой ценностей, формирование самосознания. Именно это

имеют в виду деятели театра, когда говорят о необходимости «докричаться до человека в человеке» (В.Фокин), «строительстве души» (Н.Г.Горобец), «воспитании ума и сердца зрителя» (С.Гиацинтова), «воспитании чувств» (О.Басилашвили) как его предназначении.

Однако все ли направления современного российского театра реализуют данную миссию? Исследователи российского театра выделяют, как минимум, пять основных направлений его развития: традиционное, интерпретационное, коммерческое, «новая драма» и документальный театр (театр ДОС). Наиболее острые идейные противоречия – и они связаны именно с пониманием предназначения театра – существуют между традиционным и интерпретационным театром (вопросы развития коммерческого театра мы оставляем за скобками). Традиционный театр отказывается от модернизации классики, современного театрального языка, стремится к воспроизводству классического репертуара в его неизменном виде. Менее всего традиционный театр стремится быть похожим на «номер свежей газеты» – а именно таким виделся идеал театра режиссеру Большого драматического театра Г.А. Товстоногову. Стремится ли такой театр к духовному лидерству, хочет и может ли стать камертоном эпохи? Представляется, что такой задачи этот театр и не ставит, хотя от декларации роли «воспитателя чувств, сердца и ума» не отказывается. Весь вопрос (а ответ на него весьма неоднозначен) в том, способен ли он эту роль реально выполнить. Представляется, что традиционный театр ориентирован, преимущественно, на иную социальную миссию. Он служит институтом социальной памяти, решает задачу исторической реконструкции событий театральной жизни. Является ли эта тенденция деструктивной? На наш взгляд, нет, просто традиционный театр решает другую задачу, возможно и не в полной мере театральную. Наиболее «продвинутые» представители традиционного театра это вполне осознают. Так, Ю.М.Соломин в ответ на обвинения в некоей музейности возглавляемого им театра, отвечает: «А что же плохого в музее? В Эрмитаже, Третьяковке? Да, Малый театр — это музей, если хотите»¹.

Коллизии и аргументы, возникающие в споре традиционалистов и интерпретаторов-модернистов отсылают нас к иным противостояниям, скажем к спору антикваристов и презентистов в контексте методологии историко-научных исследований. Под презентизмом понимается стремление рассказать о прошлом языком современности, под антикваризмом – желание восстановить картины прошлого во всей их внутренней целостности, безо всяких отсылок к современности¹. Размышляя о соотношении этих двух подходов, М.А.Розов, пришел к выводу об их дополнительности в боровском смысле. Представляется, что такого рода дополнительность существует и между подходами традиционалистов и интерпретаторов, хотя здесь речь идет не о познании прошлого, а о понимании классических текстов. Это значит, что ни один подход не может быть реализован в чистом виде. Невозможна полная свобода модернизации и интерпретации классики – она ограничена

логикой взаимоотношения персонажей, внутренней сутью ценностных коллизий, авторской партитурой в музыкальном спектакле и пр. И наоборот, реконструкция классической пьесы просто не будет восприниматься современным зрителем, если не будет соотнесена с опытом его жизни. Возможно, это будет ссылка на некие вневременные ценности и коллизии или обнаружение и созерцание гармонии. Именно поэтому задача воспитания чувств и формирования самосознания не только декларируется, но может решаться традиционным театром. Скажем, кто станет спорить с тем, что классический балет возвышает и гармонизирует душу человека?

Следующая коллизия, возникающая в борьбе за духовное лидерство, происходит в сфере взаимодействия театра и церкви. В свое время театр однозначно осуждался церковью, поскольку он был неразрывно связан с языческой религией древнего мира. С тех пор театр прошел долгий путь развития. Однако еще в начале XX века святой Иоанн Кронштадтский писал: *«Театр усыпляет христианскую жизнь, уничтожает ее, сообщая жизни христиан характер жизни языческой»*. Однако в это время существовала и другая точка зрения: Н.В.Гоголь называл искусство, театр ступенью к христианству.

Современная РПЦ занимает по отношению к театру вполне лояльную позицию. Социальная концепция РПЦ основана на идеях И.А.Ильина о том, что искусство должно не уводить человека из мира, а вести человека в этом мире. Культура понимается как переходная область бытия человеческой души, ведущая ее от мира в храм. Святейший Патриарх Кирилл не раз отмечал в своих выступлениях, что культура и религия - понятия однокоренные, ведущие свое начало от одного источника – культа. Вместе с тем, реальные отношения театра, с одной стороны, и верующих и представителей РПЦ – с другой, не столь безоблачны. Достаточно вспомнить протесты православных активистов, связанные со спектаклями Московского Художественного театра, конфликт Церкви во главе с Митрополитом Новосибирским и Бердским Тихоном и Оперного театра Новосибирска, закончившийся сменой руководства и снятием оперы «Тангейзер».

Обострившееся противостояние театра (и культуры в целом) и церкви имеет, на наш взгляд, объективные и субъективные причины. Объективные основания конфликта – «конкуренция» в пространстве ценностей. Ведь театр иногда называют религией современного человека (хотя, на наш взгляд, неправомерно). Кроме того, религия ориентирована на сохранение ценностной системы, на стабильность; театр (исключая традиционный) - на изменение, ценностные новации. Еще один дискурс противостояния – соотношение общемировых и национальных тенденций культурного развития. Театр зачастую реализует общемировые тенденции, церковь - национально ориентированный институт.

Именно данные объективные обстоятельства, а также ряд субъективных факторов привели к упомянутым неплодотворным социальным конфликтам и противостояниям в современном российском

обществе. Преодоление данных конфликтов и нахождение социального консенсуса предполагает выбор модели взаимодействия, повышение эффективности существующих и формирование новых форм и инструментов диалога театра, церкви и общества.

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК АТТРАКТОРЫ И НАПРАВИТЕЛИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(тезисы доклада)

Чудомех В.Н.

Начало XXI века характерно попытками ведущих стран Запада изменить практически все фундаментальные устои человеческого бытия, тысячелетиями предопределявшие его осевую устремленность к высоконравственности, благодетельности и гармонизации разумом. Представление о таком бытии людей формировалось философской мыслью со времён Сократа, его предвосхищали В.И. Вернадский и П. Тейяр де Шарден, а его возможность просматривается по успехам всех частей Человечества в XXI веке: в разрешении конфликтов между собой путём переговоров и договоров; в расширении и в интенсификации научно-технических, финансово-экономических, информационных и многих других своих связей и взаимоотношений.

В 60-е годы XX века, в условиях «биполярного мира» («полюсы»: США и СССР), широкая волна общественных протестов против следования Человечества к конфронтационному самоуничтожению сформировалась довольно быстро и в её результате: а) снизилась острота «холодной войны» между странами Запада и СССР; б) уменьшились риски ядерных конфликтов между государствами; в) была принята «Программа устойчивого развития» Человечества; г) люди Земли преисполнились оптимизмом и надеждой на всеобщее процветание уже в ближайшие десятилетия. Однако СССР в 1991 году распался, и мир людей на Земле превратился в однополюсный, мировоззренческие, идеологические и все иные базисы которого стали задаваться странами ЕС и США. Вслед за этим поток научных трудов с предложениями по реализации ноосферного пути Человечества в будущее иссяк, и возросло предложение идей: а) радикального вмешательства в

телесность людей (идеи трансгуманистические и евгенические); б) отказа от традиционных оснований для образования «семей» людей и воспитания в них детей (идея легализации однополых браков); в) упразднения христианских догматов о греховности мужеложства.

С конца XX века страны Запада пытаются реализовать и свою идею трансформации Человечества в манипулируемое ими и обслуживающее их [1, с. 12]. Вначале принципы такого подхода к Человечеству (предложен Бильдербергским клубом в 80-х годах XX в.) оттачивались Международным валютным фондом и др. международными организациями, затем его подкрепили «теорией управляемого хаоса», и с 90-х годов XX в. «стратегия управляемого хаоса» стала для западных стран – стратегией формирования их общей безопасности [2, с. 10]. Заявленная ими, цель её – подчинить все производительные, финансовые и информационные ресурсы мирового сообщества потребностям Запада [1, с. 7]. В арсенале главных средств, предложенных для реализации этой стратегии и уже применяемых Западом: 1) устранение у людей «балласта традиционных ценностей» (национальных, культурных и др.); 2) стирание у людей «исторической памяти» [1, с. 3]; 3) вытеснение традиционных идеологий (государственно-исторических, национальных, религиозных и духовно-исторических) – идеологиями «демократического плюрализма, уважения прав человека и потребительства»; 4) борьба за умы представителей стран, у которых идейно-духовный потенциал отличается большей выгодой для Человечества [2, с. 10]; 5) фальсификация истории [3, с. 100]; 6) задействование всех видов массовой информации для реализации вышеперечисленного.

Что предложено в вышеупомянутых идеях изменить бытие людей и чем чревата их совокупная реализация? Вначале рассмотрим западные новации по организации «семей людей». Их внедрение готовилось два десятилетия и страны Запада для этого: а) провели реформу «гендерную» и «ювенальную» (законодательно закрепили: «права детей», ответственность родителей за их нарушение и права государства по обеспечению «прав детей»); б) законодательно ввели в практику «суррогатное отцовство и материнство»; в) и уже затем, исходя из «социального равенства полов», законодательно разрешили: и «однополые браки», то есть «однополые семьи», и усыновление ими детей, независимо от их «полового» основания.

Для внедрения таких «семейно-нетрадиционных новаций» страны Запада используют: а) жёсткое давление на своих граждан и представителей церкви (принуждая их освящать осуждавшееся прежде); б) систему

общественного образования (предписывая знакомить всех школьников, начиная с 10-12 лет, с «теорией» сексотношений, в том числе и нетрадиционных); в) всемерную поддержку прежде-нетрадиционного в своих странах; г) фонды поддержки сексменьшинств и в других странах для распространения нетрадиционного-прежде – во всём мире.

Несколько лет назад лишь 1,5-2 % граждан стран Запада относили себя к представителям сексменьшинств. При сопоставлении этой малочисленности их в странах Запада с предпринятыми в них усилиями по легализации «однополых семей» естественен вопрос – для чего все эти усилия? В странах Запада они обосновываются: равноправием их граждан в выборе образа своего бытия; недемократичностью отказа сексменьшинствам в реализации ими всего спектра прав и свобод, конституционно предоставляемых в западных странах их гражданам независимо от их пола, цвета кожи, национальности и т.д.; необходимостью, исходя из этого, устранить дискриминацию приверженцев нетрадиционных сексотношений. Но в этой, казалось бы, неоспоримой «логике права» есть существенные изъяны. Равноценны ли по общественной значимости «традиционные семьи» людей и предлагаемые к образованию «нетрадиционные семьи» людей?

Во-первых, «традиционные семьи» потомственны. Они образуются для воспроизводства своих новых поколений, должных сохранять во времени духовно-исторические ценности, духовные порывы и традиции всей цепи своих предков. Именно благодаря традициям-в-семьях все государства были устойчивыми во времени и приобретали свои особые исторические «лики», и именно поэтому государства должны всемерно поддерживать существование «традиционных семей» – первофундаментов своей устойчивости и долговременности. Ведь «нетрадиционные семьи» – это суррогаты, «заменители, обладающие лишь некоторыми свойствами заменяемого ими» [4, с. 491]. Они суррогатны: по связующему основанию, по составу («родители-дети») и по отношениям в них «родителей» и «детей». А поскольку такие «суррогатные семьи» вряд ли будут потомственными, то их можно отнести и к «одноразовым», формируемым «на время» и не продолжающимся «в поколениях».

Во-вторых, юридическое признание равноправия «нетрадиционных семей» с «традиционными семьями» в части «усыновления детей» таит в себе и ювенально-правовой недостаток. Дети при «усыновлении» недееспособны, но их право на выбор типа своей «семьи» («традиционной» или «нетрадиционной») и на «папу» и «маму» (и на бабушек и дедушек) тоже

должно как-то защищаться. Можно предположить также в будущем: высокую конфликтность в отношениях между детьми из семей «традиционных» и «нетрадиционных» (на почве неполноценности «суррогатного») и обособленность детей из «нетрадиционных семей» (понимающих их «суррогатность»).

В-третьих, семьи «традиционные» и «нетрадиционные» принципиально не могут быть социально-идентичными. Ведь «традиционные семьи» сами воспроизводят детей, а, соответственно, новые поколения «обществ» в государствах, а «нетрадиционным семьям» для выполнения этой важной социальной задачи требуется помощь – и общества («суррогатных отцов и матерей»), и медучреждений, и государства (помощь организационная и правовая). А если вспомнить, что государствами управляют «власти», то главные причины яркого лоббирования западными странами «прав сексменьшинств» вполне понятны:

1) «нетрадиционные семьи» – это часть электората с правами, зависящими от состава представителей власти-в-государстве, а потому эта часть электората всегда будет поддерживать тех претендентов на «власть», которые «свои» или благосклонны к сексменьшинствам;

2) «нетрадиционные семьи» в реализации своих «прав» более зависимы от власти-в-государстве, чем «семьи традиционные», соответственно, «нетрадиционалы» в принципе должны быть более лояльными к благоволящим к ним «властям»;

3) с созданием нового фронта противостояния в социумах («традиционалов» и «нетрадиционалов») «власть имущие» получили ещё одну возможность манипулировать социумами и реализовывать в них свои политические и иные интересы.

Согласие цивилизационно иных государств внедрять у себя западные семейные новации может стать для них принятием – «дара данайцев». Их многовековые устои будут подтачиваться, их исторические «лики» превратятся в декоративные (в основу для туризма), их внутреннее содержание унифицируется с «западным», и они утратят с этим пока ещё наличные у них духовно-культурные барьеры для извне-манипуляций своей жизнью. То есть, вышерассмотренные западные семейные новации способны: а) генерировать новые фронты идейных противостояний в социумах; б) деструктуризировать традиционные социумы; в) стать ещё одним средством по реализации Западом своей «стратегии управляемого

хаоса».

Первоосновное в этой «стратегии» – устранить у людей «балласт традиционных ценностей» (национальных, культурных и др.). То, что в «теории управляемого хаоса» именуют «балластом» для людей (помимо традиционных ценностей к нему причисляют и историческую память людей) – это в комплексе и во взаимосвязи [5, с. 108]:

– бакены, буи и створовые знаки, помогающие «традиционным обществам людей»: следовать по фарватеру жизни, уже проверенному их предшественниками, и не сбиваться с проторенного ими пути в будущее; не растворяться во времени в неизвестности и сохраняться в истории людей – в «узнаваемом лике»;

– системные аттракторы, удерживающие течение жизни людей в рамках: а) универсального образа бытия *Homo sapiens*, издревле культивируемого людьми; б) особого в некоторых аспектах – с некоторыми отличиями от универсального образа бытия людей, долговременно сохраняемыми в «локусах» бытия людей – как «историко-культурная традиция»;

– онтоопоры и онтоориентиры необходимые людям для сохранения себя в качестве: а) людей; б) людей-из-обществ; в) представителей этносов, народов, наций, государств, цивилизаций и т.д. – то есть, представителей исторически создавшегося многообразия многотысячелетних частных проявлений – универсального бытия людей.

«Стереть» все эти формирователи многоликости образов-культур бытия людей означает преобразовать Человечество в простую совокупность – «человеков-массы» [6, с. 43]:

– лишённых знания своих корней и своей истории, а соответственно возможности объективного осознания: и происходящего в их бытии текущем и предлагаемых в нём кем-то – существенных изменений;

– воспринимающих всё предлагаемое им в таких условиях без его всесторонней оценки, а если оно и «вписывается» в бытийное русло текущего, которое им предоставлено – то как «должное» и без сомнений.

По рассмотренному выше возможны такие умозаключения:

1. Ведущие страны Запада, реализуя с конца XX века свою «стратегию управляемого хаоса», предполагают с её помощью:

а) вначале ослабить или размыть духовно-культурные и социальные устои всех иных государств, барьерно препятствующие их прямоподчинению Западу;

б) затем переформатировать под-себя все иные государства (изменить идеологию их существования, а также мировоззрение их граждан и представление ими смысла своего бытия) и закрепить таким путём за собой гегемоническое право определять: как жить и как дальше развиваться Человечеству, какими могут или не могут быть люди и государства на Земле.

2. «Стратегия управляемого хаоса» уже реализуется странами Запада, что подтверждает: всемерное сдерживание ими темпов развития экономики всех иных государств; наполнение властных структур уже многих государств своими ставленниками, превращающими их – в вассальные. Таким путём ведущие страны Запада пытаются создать свою новую империю, всеобъемлющую и планетарную.

3. Альтернативой этому, уже явному намерению Запада, может быть «стратегия управляемого порядка», способная обеспечить: а) сохранение наличного многообразия культур и государств в среде Человечества (идей и образов бытия людей); б) переход Человечества к бытию бесконфронтационному, базирующемуся на многотысячелетних традициях – добропорядочных, справедливых и высоконравственных отношений людей. Такая «стратегия порядка» давно ожидаема, Человечество уже созрело к её принятию и готово к её реализации (это видно по быстро идущей – «глобализации» бытия людей).

Список литературы

1. Лепский В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития [Электронный ресурс] / В.Е. Лепский. – Режим доступа: <http://www.spcurdumov.ru/what/texnologii-organizuemogo-haosa> (время обращения: январь 2014 г.). – 14 с.
2. Манн С.Р. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс] / С.Р. Манн. – Режим доступа: <http://www.spcurdumov.ru/what/mann2> (время обращения: январь 2014 г.). – 13 с.
3. Зиновьев А.А. Глобальное сверхобщество и Россия / А.А. Зиновьев. – Минск: Харвест; М: АСТ, 2000. – 128 с.
4. Словарь иностранных слов. 18-е изд. – М.: Рус. яз., 1989. – 624 с.

5. Чудомех В.Н. Этносы, народности, народы и нации как «сообщества людей духоединённых» / В.Н. Чудомех // Учёные записки ТНУ им. В.И. Вернадского. – Симферополь: ТНУ. – 2011. – Том 24 (63). – № 2. – С. 105-110.

6. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и др. работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник / Х. Ортега-и-Гассет; [пер. с исп.]. – М.: Радуга, 1991. – 639 с.

Стратегии преодоления конфликтов в сетевой коммуникации

к.ф.н., Шапиро О.А.

Сегодняшнее общество, не смотря на тенденции глобализации, характеризуется достаточно серьезной гетерогенностью. Многонациональность, поликультурность, разнообразные локальные противоречия мнений и точек зрения требуют выработку путей решения до того, как простое противоречие перерастет в серьезный конфликт.

Впрочем, с точки зрения конфликтологии любое противоречие конфликтом уже является, вопрос только в том, в какой момент и с каким результатом оно будет разрешено. Мы будем придерживаться когнитивной модели конфликта А.Т. Ишмуратова, выделяющего 4 стадии его развития: латентная, демонстративная, агрессивная и батальная. Предполагается, что на латентной стадии конфликтное противоречие еще не нашло своего явного и ясного выражения и потому не может быть разрешено; конструктивное же разрешение конфликта возможно только на демонстративной стадии – стадии диалога, дискуссии, когда все стороны стараются прийти к общей точке зрения; допущение же развития более поздних стадий приводит к образованию образа врага и попыткам нанести ему как можно больший ущерб, не зависимо от первоначального предмета разногласий – то есть приводят к войне, в прямом или переносном смысле этого слова.

Итак, проблема ставится под следующим углом: каким образом необходимо вести диалог, чтобы разрешить противоречие на демонстративной стадии развития конфликта? И ее решение, соответственно, должно лежать в предметном поле эристики и теории аргументации.

Далее мы будем говорить о способах поиска согласия в пространстве виртуальной коммуникации (имея ввиду пр социеимущественно социальные сети и блоги). В последнее время их влияние на социальные процессы, в частности на формирование общественного мнения и гражданской позиции пользователей, возрастает с каждым днем (пример тому – так называемые Twitter-революции). Анонимность и повышенная агрессивность виртуальной коммуникации наводят на мысль, что традиционные схемы достижения согласия могут оказаться не подходящими для разрешения противоречий в Сети, и необходимо искать новые стратегии разрешения конфликтов для Интернет-сообществ.

На сегодняшний день вопросами формирования стратегий задаются преимущественно филологи и маркетологи, причем подходы их различаются диаметрально. Так, филологи выбирают дескриптивный пусть исследования стратегий, используя для анализа конкретный материал (тексты выступлений политика, тексты с одного сайта), выделяя формальные разновидности этих текстов на основе лексических характеристик и присваивая им названия тактик или стратегий (причем сами понятия тактики и стратегии зачастую смешиваются). Что касается маркетологов, то здесь речь идет от практико-ориентированном подходе, а стратегии рассматриваются как непосредственный план действий, направленный на повышение продаж. Пожалуй, именно этот подход окажется нам ближе всего, и далее, говоря о стратегии достижения согласия мы будем говорить как раз о продуманном плане коммуникативных действий, направленных на устранение противоречий (к слову, маркетологическое видение проблемы удивительно созвучно с пониманием аргументативных стратегий в прагматодialeктической традиции).

При построении стратегии достижения согласия необходимо в первую очередь уточнить цель стратегии. Она не так очевидна, как кажется на первый взгляд. Предполагается, что существует некий реальный конфликт точек зрения, для разрешения которого необходим конструктивный диалог и взаимные уступки. Но исследование реальных эпизодов виртуальной коммуникации, приводит к выводу, что часто существующие в ней конфликты точно так же виртуальны. Конфликт стал «трендом». Несогласие, выражение протеста, «троллинг» в социальных сетях и блогах сегодня зачастую является не отражением реальных противоречий, но «модным» поведением (вспомним известный мем «в Интернете кто-то неправ»). Соответственно, с «врагом» имеет смысл бороться его же методами: если конфликт оказывается не реальным, «спором ради спора», то его разрешение

должно основываться не на выявление и устранении противоречий (поскольку их в сущности-то и нет), а на формировании моды на новую модель поведения. Или, как сказали бы маркетологи, решение проблемы должно заключаться в продвижении бренда «Согласие».

Раскручивая далее эту аналогию, можем выделить несколько шагов формирования соответствующей стратегии продвижения бренда:

1. Выбор и анализ целевой аудитории. При постановки глобальной цели тиражирования идеи согласия, видимо, можно говорить о попытке полного охвата аудитории Интернет-пользователей; тогда ее целесообразно будет разделить на подгруппы соответственно демографическим показателям, уровню образования и пр.; для каждой из таких групп будет необходимо разрабатывать собственную стратегию.

2. Распространение информации: что, где, когда – и, главное, как. Выбор платформ зависит непосредственно от целевой аудитории. При этом необходимо помнить, что сегодня большей части реципиентов наиболее убедительными кажутся сообщения, снабженными визуальными (фото или видео) подтверждениями; более того, ряд пользователей вообще пролистывая свою френд-ленту в социальной сети или блоги реагирует преимущественно на картинки (сегодня даже существует мем «картинка для привлечения внимания»).

3. Формирование «позитивного образа бренда», которое может выглядеть как формирование «положительного воспоминания», определенного эмоционального отношения или рационального знания о конкретных выгодах принятия идеи согласия. При тиражировании идеи согласия, бесконфликтности имеет смысл говорить как о конкретных экономических выгодах для каждого члена целевой аудитории, так и формировании «мифа о золотом веке» (в зависимости от сути и сферы конфликта – с обращением к позитивным воспоминаниям о прошлом опыте мира и/или формированием объемной картинки желаемого будущего).

4. Собственно, убеждение. С точки зрения теории аргументации, если медиатор (а именно такую роль в данном случае будет играть автор блога/странички, «продающей» идею согласия) стремиться к полному разрешению противоречий в конфликте, то он будет использовать логически корректную аргументацию, избегая манипуляций. С другой стороны, такой подход в корне противоречит идее маркетинга, где главная задача – «продать», и разнообразные манипулятивные техники преимущественно поощряются. Поэтому, если речь будет идти о разрешении реально существующего конфликта, то медиатору стоит действовать в концепции теории аргументации; если же речь идет о конфликтах «трендовых», когда спор является просто привычной моделью поведения и не имеет под собой реальных противоречий, то более эффективным окажется использование продающих тактик со всеми соответствующими приемами влияния.

Предполагается, что в острых социальных ситуациях набора стратегий «продвижения» мирного пути коммуникации позволит значительно смягчить эмоциональный фон и исключить раздутые из ничего конфликты. В результате скроются реальные противоречия, обсуждение которых станет на основе взаимной установки на сотрудничество значительно конструктивнее.

Шиповалова Л.В.

Практики поиска согласия между однозначностью рассудка и множественностью способности суждения.

Можно обозначить два возможных пограничных вида практик поиска согласия. Первый предполагает террор (Ж.Ф. Лиотар), когда согласие строится на насилии, формула которого «говори как я или молчи». Природа такого насилия различна и распознавание его часто проблематично. В практиках такого вида всегда предполагается монологичность, единство нормативности и языка, который должны разделить, признать все участники разговора. Один из симптомов, позволяющий быть иного рода практикам, – легитимное, а не только легальное присутствие иного дискурса, постоянно проблематизирующего согласие и ставящего стороны общественных отношений в ситуацию необходимого возобновления диалога. Этот второй вид практик, предполагает наличие и сохранение множественности. Для него принципиально взаимное признание автономии договаривающихся сторон, принципиальное отсутствие окончательного слияния в универсальном согласии. При этом здесь речь все же может и должна идти о поиске согласия, поскольку не предполагается релятивизм суждений, допускающий, что каждый субъект имеет право на собственное высказывание, которое может утвердиться в качестве истинного. Релятивизм невозможен и недопустим, если речь идет о выработке суждения, которое должно быть условием социально-политических действий, основанием практических решений. В таких ситуациях необходимо искать и создавать условия того, чтобы идея оказалась понятной, передаваемой, признаваемой если не «всяким человеческим разумом», то, по крайней мере, теми членами сообщества, которые уже объединены интересом к какому-либо предмету. Террор единства допускается не в последнюю очередь по причине страха возможного релятивизма множественности, признающего права чуждого.

Методологическое замечание. Именно потому, что всеобщность согласия является предельным случаем или регулятивной идеей, следует скорее употреблять термин распределенности знания, суждения, идеи, описывающий ситуацию, где имеет место лишь претензия на всеобщность, объективность. Интерсубъективность также может служить динамической характеристикой такого положения дел. Предполагается, что общий фокус проблематики конференции социально-политический, тем не менее, стоит обратить внимание на эпистемологические аргументы и терминологию. Единство в этой сфере, имеющей отношение к основаниям научного знания столь же очевидно, сколь и проблематично, а множественность столь же актуальна, сколь и опасна.

Казалось бы, основанием возможной распределенности знания как основания действия между разумными субъектами, несмотря на различие их, должно быть согласие суждений в отношении объекта, положения дел (И. Кант). Казалось бы, именно идентичность, инвариантность объекта должна гарантировать возможную объективность суждения и согласие в отношении его содержания. Проблема, делающая недостаточной апелляцию к объекту или к тому «что имеет место на самом деле», состоит в следующем. Объект сам конституируется спонтанной деятельностью рассудка, более того, рассудок как способность самостоятельного мышления, полагающего единство объекта, никогда не является самодостаточным. Если бы было так, связность рассудочных синтезов задавала бы тождественность способа мыслить у всех разумных субъектов, что гарантировало бы отсутствие проблемы согласия. Подмена мышления в его полноте единством способности рассудка, в основе которой - транссубъективные априорные формы, а результат которой – универсальное согласие, может служить эпистемологическим оправданием насилия, скрытого под маской общественного консенсуса. Проблема согласия всегда возникает не только и не столько потому, что высказывающий суждение без-рассуден или не умеет «пользоваться рассудком». Она возникает потому, что многообразие эмпирических закономерностей, определяющих подлежащую суждению предметность, а также сущностное многообразие позиций судящих субъектов не позволяет считать какое бы то ни было согласие окончательным или какую бы то ни было определенность объекта полной. Так у Канта обосновывается введение рефлектирующей способности суждения, полагающей такой способ мышления об объекте, где согласие не гарантировано никакими трансцендентальными или трансцендентными основаниями, где единственным правилом, его регулирующим, является

правило широкого мышления – мышления себя на месте Другого. Это правило препятствует считать объективным суждением то, которое только выдает себя за таковое, на самом деле, будучи частным, субъективным (пусть даже сформулированным на государственном уровне). Такого рода опыт широкого мышления или способности суждения является адекватным написанием справедливой социально-политической коммуникации (Х. Аренд).

Отсутствие правил и гарантов допускает, тем не менее, определение условий возможности опыта широкого мышления, результатом которого, пусть никогда не окончательным, может быть достижение согласия. Первое – эпистемическое рефлексивное условие, касающееся предварительного истолкования социального мира как незавершенного проекта (Б. Латур). Общество неизвестно заранее, не предположено в качестве управляемого объекта. Оно собирается всякий раз непосредственными практиками конструктивного взаимодействия или рушится в ходе деструктивного гипостазирования собственной, всегда частной позиции. Это условие предполагает снятие предпосылочности в истолковании конкретной социально-политической ситуации, понимании ее как того, где «уже ничего нельзя сделать». Данное условие очищает мир как представление и освобождает волю к действию. Второе – локально-мотивационное условие. Это своего рода гетерономное условие, не зависящее от воли действующих лиц. Оно определяется наличием поля общих интересов, затронутости общей темой, разделением пространства возможного решения проблемы. Без этой близости, взаимной расположенности, которая может обеспечиваться даже третьими лицами, заинтересованными в возникновении общения, или складываться стихийно не может идти речь о становлении на путь выработки общего языка, поиска согласия (П. Галисон). Третье – экзистенциальное условие решимости. Это условие автономии, предполагающее поиск в языках взаимодействующих сторон общих значимых идиом, тех концептов, которые определяют их деятельность и выступают в этом смысле ценностными регулятивами. Если может быть замечена некоторая общность имен – свобода, самоопределение, уважение и т.п., и будет решимость допустить, искать в них всеобщее содержание, то это и будет собственно путем к согласию. Этот поиск всеобщности содержания, поиск возможности высказыванию быть признанным любым разумным существом не будет террором, если он будет открыт неслучайному альтернативному содержанию, открыт готовности сосуществования и взаимодействия с ним.

Об определении предмета формальной логики

Шиян Т.А. (Москва)

Вопрос о предмете логики, о том, что изучает логика как наука, до сих пор остается, или, точнее, сегодня вновь является открытым. Эта ситуация относится и к формальной логике, являющейся логикой по преимуществу. В своем сообщении я разберу три подхода к решению этой проблемы, которые мне представляются основными и один из которых непосредственно связан с темой нашего семинара.

Представители первого подхода характеризуют логику как науку о мышлении. Этот подход может быть назван традиционным, поскольку доминировал в Новое время и следование ему ряда современных логиков и философов носит скорее инерционный характер. Такое понимание логики было полностью оправдано, например, в системе Антуана Арно и Поля Николя, постулировавших в явном виде в своей «Логике, или искусстве мыслить» существование четырех врожденных способностей разума: способности воспринимать идеи, соединять идеи в суждения, соединять суждения в умозаключения и как-то упорядочивать содержание разума для его более удобного восприятия [Арно, Николь, с. 24–25]. Этим они задали онтологическую картину, связавшую логику и мышление и легшую в основу членения логики на разделы. Оправдание можно найти и для аналогичного подхода психологизма конца XIX в., относившего к психологии все «науки о духе» (распространившееся примерно в то же время название гуманитарных дисциплин). Но определения логики как науки о мышлении в наши дни выдвигаются некоторыми авторами, скорее, как дань традиции, а не следуют из ранее принятых ими онтологических предпосылок. Такая характеристика логики никак не вытекает из современной логической практики и не обуславливается профессиональным самосознанием большинства практикующих логиков. То есть, основное возражение против понимания логики как некоторой науки о мышлении является отсутствие теоретического или практического обоснования такой трактовки. Второе возражение против этого подхода связано с тем, что мышление – предмет, философски гораздо менее понятный, чем логика, так что принятие этого подхода неявно навязывает нам такую грубую логическую ошибку, как определение непонятого через еще менее понятное.

Второй подход характеризует логику как науку о рассуждениях. Обычно, о «правильных» рассуждениях. Против этого подхода также имеется несколько возражений. С одной стороны, непосредственное исследование рассуждений

является лишь небольшой, хоть и центральной, частью предмета логики, тогда как остальные области соотносятся с ней только опосредованно. С той же точностью логику можно было бы назвать наукой о правильном назывании, наименовании, наукой о правильном суждении, наукой о правильных языках или наукой о правильных теориях. Последнее было бы даже более корректно на современной стадии развития логики.

С другой стороны, понимание логики как науки о рассуждениях, и даже о формах правильных рассуждений, слишком расширяет ее понимание, относя к логике дисциплины, которые, по мнению большинства логиков, к логике в собственном смысле не относятся. Перечислю некоторые области или явления культуры, помимо формальной логики, которые, на мой взгляд, можно охарактеризовать как науки о тех или иных формах правильных рассуждений. Во-первых, это индуктивная логика, которая разрабатывалась как учение о средствах, формах рассуждений, позволяющих переходить от высказываний о конкретных наблюдениях и фактах к высказываниям о более общих фактах или закономерностях. Во-вторых, это диалектическая логика, мыслившаяся ее адептами как средство правильного рассуждения об исторических, динамичных объектах, допускающих в силу этого противоположные и даже противоречивые суждения о себе. В-третьих, это индийская *pramanavada* («учение о способах правильного познания»), также рассматривавшая «правильные» формы рассуждения, в частности, знаменитый пятичленный силлогизм Дигнаги (V–VI вв.). В-четвертых, учениями о правильных формах рассуждения могут быть названы практически все разделы математики, суть которой состоит в построении и исследовании закономерностей рассуждений о тех или иных типах абстрактных объектах. В-пятых, философская онтология, задающая основные типы доступных для рассмотрения предметов, отчасти детерминирует и «правильные» формы рассуждений, особенно в случае формальных онтологий.

Третий подход, который представляется верным мне самому, понимает логику как науку о логических формах. Этот подход связан, с одной стороны, с отождествлением логики в собственном смысле слова с формальной логикой, а с другой – с пониманием формальной логики как науки о логических формах. При этом, безусловно, для корректности этого определения понятие логической формы должно быть определено до и независимо от определения логики и без использования производных от «логики» слов. Такое определение было предложено автором в 2014 г. и описано в ряде работ и докладов [Шиян 2014а-с]. Логические формы

понимаются как такие аспекты, составляющие части знаковых форм, учет которых позволяет выделять, описывать и объяснять существование двух следующих групп явлений:

- 1) наличие высказываний, имеющих ту или иную истинностную оценку не в силу своего предмета, а в силу одной только своей структуры, в силу каких-то особенностей своей знаковой формы;
- 2) наличие таких групп высказываний, что истинностную оценку некоторых из них можно определять без обращения к их предмету, а только за счет учета истинностных оценок и каких-то особенностей знаковой формы высказываний этой группы.

Эти явления характеризуют формальную логику, как мне представляется, на всех этапах ее исторического развития. С другой стороны, состав множества объектов, логические формы которых исследуются в логике, аспекты знаковых форм, учитываемые логикой, способы выявления и фиксации логических форм исторически изменялись. На разных этапах исторического развития логику интересовали языковые выражения (термины и предложения), речи (выводы и доказательства, определения, некоторые виды диалогов), мысли (понятия и суждения), смыслы (они же), мыслительные процессы (умозаключения), знания (теории), и ряд других объектов. Изменялись и аспекты знаковых форм, учитываемых в логическом анализе (например, логические формы высказываний по-разному выделяются в силлогистике, в логике высказываний и в логике предикатов). Отсюда мы имеем как множественность логических форм одного и того же анализируемого объекта, так и потенциальную открытость списка типов объектов, доступных для логического анализа.

Литература

1. Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить. М., 1997.
2. Шиян Т.А. О проблеме определения предмета формальной логики // XIV научно-практическая конференция «Дни науки – 2014». Тезисы докладов: Озерск, 25–26 апреля 2014 г. Озерск: ОТИ НИЯУ МИФИ, 2014. ISBN 978-5-905620-14-0.
3. Шиян Т.А. Что такое логика? / Доклад на конференции «Научные, исторические, социальные и литературные аспекты философии / Scientific, historical, social and literary aspects of philosophy», Белосток (Польша), 16–17 октября 2014.
4. Шиян Т.А. Что такое логика? / Доклад на семинаре «Онтология науки», Москва, 30 октября 2014.

Склипис Е.В.

Студентка 2 курса специальности Религиоведение
ФГАОУ ВОТА КФУ им. В. И. Вернадского

Проявления архаичных славянских мифологических представлений в фольклоре.

1. Автором поставлена задача рассмотреть и обосновать происхождение и устойчивость архаических мифологических представлений в сознании современного человека на примере русских народных сказок. Исходя из того, что мифологизация есть древнейший и универсальный способ мышления, сохранившийся, и не противоречащий современному сознанию, актуальность работы состоит в том, чтобы уметь выявить эту мифологическую составляющую. Архаичные формы сознания нашли свое отражение в фольклорном творчестве, в том числе, в сказке. Славянский фольклор, основанный на древних мифах, позволяет выявить древнейшие представления о космогонии, мире, жизни и смерти. Сказочные мотивы, персонажи и их действия, не имея прямых указаний на обряды или верования, являются важным источником для их изучения. На этот факт указывали ученые: Азбелов С. Н., Афанасьев А. Н., Даль В. И., Пропп В. Я., Б.А. Рыбаков, А. Л. Топорков.

2. Сказки есть творчество, в котором прослеживаются архаичные представления древних славян. Зная мифологию славян, можно расшифровать непонятный на первый взгляд текст сказок. Так, например, в сказке о курочке Рябе яйцо – символ строения мира, а золото – символ смерти. Понимание этого образного ряда делает понятным происходящее в сказке. После того как мышка разбила золотое яйцо наступает наступают хаос и катастрофа: баба с дедом плачут, поповны разбила ведра, попадьа разлила тесто, а священник отрезает косу, рвет книги и сжигает церковь. Мир приходит в норму только тогда, когда Курочка Ряба обещает снести простое яичко (жизнь в чистом виде), чем вызывает всеобщую радость. Таким образом, текст этой сказки повествует о жизни и смерти.

3. В сказке «Морозко» прослеживается обряд женской инициации. Присутствуют все атрибуты этого действия: сани, удаленная изба, мышка, каша – ритуальная пища жизни (кутья). Кутья – это пища мертвых, ее необходимо съесть, что бы переродиться, поэтому символически мертвая девушка ест ее сама и делится с мышкой (посланником нижнего мира), чтобы заручиться ее поддержкой. Медведь тут выступает как тотемный зооморфный предок, предлагающий не просто игру в «жмурки» («жмурик» – мертвец), а проводящий обряд инициации связанный с ритуальной смертью. Дочь мачехи (персонаж более позднего варианта сказки), нарушает правила и не проходит испытания.

4. Еще одна сказка «Медведь на липовой ноге» показывает полное нарушение правил (табу), за что были наказаны дед и бабка. Старик отрубленную лапу медведя отдает бабке, которая использует ее в хозяйстве: варит лапу, прядет шерсть, растягивает и сушит кожу. Люди наказаны за то, что уничтожив лапу, убили тотемного предка, после чего приходит рассерженное его зооморфное воплощение и следует наказание.

5. Сказки об Иване и Кощее, по сути, есть пример мужской инициации. Кощей, отнимая невесту, обрекает юношу на «детскую» жизнь. Убить Кощея можно, сломав иглу (игла, веретено, клубок, гребень – есть предметы сказочной атрибутики). Смерть Кощея дает возможность молодому претенденту доказать, что он достоин занять свое место во взрослой жизни со всеми ее правами и привилегиями.

6. В сказках, языке и детских играх кроме тотемизма прослеживаются черты фетишизма и культа предков. Вспомним «салочки». Цлыгры - приложить открытую ладонь к стене, «припечатать». Главное тут корень «печь». Смысл ритуала, приложив руки к печи, сказать: «Чур меня», приобщиться к предкам, заручиться их поддержкой. Славяне считали, что предки, живущие в печи, в ответ тоже протягивали свои руки навстречу. Печь выступает в качестве фетиша. В сказке «Гуси-лебеди» печь еще и антропоморфное сакральное существо, полное готовой ритуальной еды, сродни матери (печка-матушка), «прячущей» в своем чреве и перерождающей. По сути, печь является центром мира и прообразом женского чрева. У Н. Гоголя («Вий») казаки, несшие гроб с панночкой, все совершают очистительный ритуал, прикладывая руки к печи.

В языке корень «печ» имеет масса слов, которыми мы широко пользуемся до сих пор. Отсюда в русском языке берут начало такие слова, как: печаль, печься, опека, попечение, беспечный, обеспечивать. В польском, чешском, лужицком, болгарском, сербо-хорватском, так же есть масса слов с корнем «печь» и похожим смыслом.

7. Сделаем вывод о том, что архаичные представления прочно удерживают свое место в нашей жизни, одновременно сосуществуя с развитыми религиями и атеизмом. Опираясь на этно-лингвистический, сравнительный и аналитический подходы мы смогли сделать следующие выводы: тексты сказок, их персонажи и действия, языковые и культурные традиции, как способ передачи мифологической информации, глубоко укоренились в сознании, поведении не только архаичного, но и современного человека. В сказках отражены такие первобытные верования как: тотемизм, фетишизм, культ предков, культ природы, земледельческий культ, а сама сказка имеет одновременно жизненные и мифологические корни. Являясь моделью древнего искусства, сказки, как устное народное творчество развивались, соединяя древнейшие и более поздние представления, но архаичные

представления славян исторически устойчивы и жизнеспособны в современном обществе и по сей день.

Источники:

1. Афанасьев А.Н., Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. -

<http://slavya.ru/trad/afan/>

2. Афанасьев А. Н., Русские народные сказки. –

<http://www.ru-skazki.ru/afanasyev-russian-folk-tales-1957.html>

3. Пропп В.Я., Исторические корни волшебной сказки. –

<http://www.e-reading.club/book.php?book=46789>

Грыжук Елена Сергеевна

Студентка 2 курса специальности Религиоведение
ФГАОУ ВО ТА КФУ им. В. И. Вернадского

RELIGIO LICITA ИЛИ ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ПАСТАФАРИАНСТВА

1. В данной работе мы ставили перед собой задачу рассмотреть процесс легитимизации религиозных объединений в России и связанный с ней ряд вопросов. В частности, отсутствие конституирующего фактора религии, и, как следствие, отсутствие установленных критериев признания организации в качестве религиозной.

2. Процессы, связанные с религией как в современном мире, так и в современной России, носят динамичный и противоречивый характер. Особое место во взаимоотношениях государства и религиозных организаций занимает теоретическое осмысление проблемы свободы совести, вероисповедания и практическая реализация этих прав.

3. Важным вопросом в реализации прав на свободу совести и вероисповедания является свобода выбора религии, отправления религиозного культа и внутренняя способность личности к религиозному самоопределению и самореализации, которая может выражаться в праве граждан на создание религиозных объединений или участие в уже существующих.

4. Для всех жителей России и в особенности для крымчан наиболее актуальным на данный момент является вопрос регистрации религиозных организаций и связанные с ним проблемы в проведении государственной религиоведческой экспертизы.

5. На взятом для примере псевдорелигиозном течении пастафарианство, в данный момент проходящего этап регистрации религиозной организации в России, мы можем наглядно рассмотреть проблему отсутствия конституирующего фактора религии.

6. Пастафарианство или Церковь летающего макаронного монстра - пародийная религия, основанная Бобби Хендерсоном в 2005 году в знак протеста против решения департамента образования штата Канзас, требующего ввести в школьный курс концепцию «Разумного замысла» как альтернативу эволюционному учению. Со временем новая «религия» обросла эсхатологической и этиологической мифологией, ритуалами, культовыми праздниками. Сами пастафариане называют свою религию духовностью нового времени, включающую в себя жажду свободного поиска и отрицание жестких догм и внешних авторитетов.

7. Своеобразный парадокс пастафарианства заключается в том, что учение, изначально созданное для отстаивания прав всех людей, вне зависимости от их религиозной принадлежности, в том числе прав атеистов, со временем само стало рассматриваться как в религиозное течение.

8. Разные исследователи демонстрируют нам разные подходы к пониманию религии, но в решающих моментах часто сходятся и дополняют друг друга. При всей явной несхожести интерпретаций религии Марксом, Дюркгеймом, Зиммелем, Вебером, Малиновским, Рэдклифф - Брауном, Сорокиным, Парсонсом, Луманом, Бурдье и многими другими исследователями, все они в важнейших концептуальных элементах принадлежат к одной и той же теоретической системе, т.е. не только сопоставимы, но и сходятся в важнейших своих выводах. Однако это ничуть не облегчает задачи религиоведа, входящего в экспертную комиссию, поскольку толкование данного термина слишком широко и разнообразно и не оставляет возможности для принятия однозначного решения.

9. Отсутствие официального перечня требований, которым должно соответствовать само понятие «религия» влечет за собой трудности в проведении государственной религиоведческой экспертизы.

10. Ввиду отсутствия официального документа, регламентирующего принятие решения о признании организации религиозным объединением, данное решение принимается на основании субъективного мнения членов экспертного совета.

11. В Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации входят не только работники органов государственной власти, специалисты в области религиоведения, отношений государства и религиозных объединений, но и официальные представители религиозных объединений, что ставит под сомнение качество и объективность экспертной оценки и противоречит общим положениям "О государственной религиоведческой экспертизе".

Источники:

1. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" (с изменениями и дополнениями)
2. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. N 53 г. Москва "О государственной религиоведческой экспертизе".
3. Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России. Исторический опыт, особенности и актуальные проблемы.- М., 2000.
4. Религия и закон: Конституционно-правовые основы свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций: Сборник правовых актов.- М., 1996.
5. Тульский М. Роль церкви в странах Европы и Северной Америки // НГ-Религии. - 2000. 27 сентября.
6. Иванова Л. О. Религия и права человека // Социологические исследования.- 1998.- № 6.
7. Йингер Дж. Функциональный подход к религии // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии.- М., 1996.
8. Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И. Гараджа и Е.Д. Руткевич. М., 1996. Социологическая энциклопедия. В 2 т. - М., 2003.
9. Хоффер Э. Истинноверующий. -Минск, 2001. Уайт Л. Государство - Церковь//Антология исследований культуры. Т. 1.- СПб., 2001. С. 285-314.
10. Уолцер М. О терпимости. - М., 2000.

Рыскельдиева Л.Т.

Актуальность философской текстологии (против филологизма)

1. Благодаря повороту к языку понятия «текст» в современной философии стало распространенным, важным и многозначным. Поворот от чего? От традиционных онтологии, гносеологии, социальной философии и даже истории философии. Понятие «текст» стало точкой пересечения разных наук, основанием ряда междисциплинарных исследований. Все чаще вместо бытия – язык как мир смыслов, на месте познания – истолкование, вместо общества - Другой как механизм порождения общности. В использовании этих понятий обнаруживается стремление к конкретности и специфическому эмпиризму философских исследований. С понятием «текст» связаны методологические поиски в гуманитарном знании в целях преодоления своеобразного комплекса «методологической неполноценности». Как следствие – заметное влияние филологии на философию, которое следует определить как филологизм и которое следует сделать объектом пристального внимания.
2. Другой объект нашего внимания - принцип междисциплинарности, который сегодня расценивается как общенаучный. В соответствии с ним, любое междисциплинарное исследование априори лучше (эффективнее), чем специализированное. Характеристики междисциплинарности, полидисциплинарности, трансдисциплинарности гарантируют исследованию статус актуального и инновационного. Применение этого принципа, будучи понятным и оправданным в области научного исследования «сложных систем» вообще и человека, в частности, получает непростую оценку в области исследований философских. У философов есть основания возражать: а) (по существу) если «дисциплина» - это наука, то в какие союзы может вступать философия, не будучи наукой? б) (опираясь на прецедент) философии известен термин «редукционизм», которым

описывается результат союза философии с конкретными науками, (например, пресловутый психологизм как объект критики Э. Гуссерля).

3. Выражаю убеждение в том, что влияние филологии (лингвистики, литературоведения, текстологии и др.), по большей части, деструктивно для философии как дискурса в целом и для философской работы с текстами, в частности. Филологизм ведет к исследованию любого текста по образцу литературного, любое творчество рассматривает как художественное - очевидно, что в философии это не только стилистически неуместно, но и методологически неверно. В качестве особой дисциплины философская текстология должна интересоваться не тем, что исследуют в тексте филологи, историки, психологи и др. Философ в тексте находит тот слой, который не выражает эмоциональные переживания автора, не связан с обстоятельствами его личной жизни, не обусловлен общественно-политическим контекстом и др. Если смысл текста может быть адекватно понят на основе исследования всего вышеперечисленного – значит, текст не философский. Но такой вывод и определение типа текста могут быть результатом именно философского анализа. Соответственно, философским текст делает идея - именно то, что не имеет связи с вышеперечисленными обстоятельствами, и что делает каждый философский текст вечно и постоянно актуальным. Другими словами, только критическое отношение к филологизму и трезвая оценка последствий принципа междисциплинарности могут помочь сохранить специфику философского текста, то есть, способствовать делу сохранения философской рефлексии в современной культуре.

Методологические вызовы философской антропологии

1. Многообразие направлений и дискурсов в современной философской антропологии во многом обусловлено использованием методологии идиографизма – осознанного или неосознанного концепта мышления в парадигмах культурной установки на индивидуализирующий способ образования понятий и видение реальности как принципиально неунифицируемой и уникальной. Применение идиографизма означает сознательный отказ от номотетизма – поиска общих универсальных закономерностей и, соответственно, осмысления их в системе всеобщих понятий, что принято считать признаками научного познания. В контексте истории европейской философии дихотомия уникального и универсального вовсе не нова и представляет собой современную формулировку извечной загадки «единого и многого», подлинного основного вопроса философии. Однако вызывает изумление граничащая с безрассудством категоричная последовательность постмодернистской антропологии в изошренном отрицании презумпции универсализма в изучении Человека, в «систематическом растворении нашей идентичности» (М. Фуко) и отстаивании независимости от культурной идентификации, каждая из которых мыслится им как акт террора. Постмодернистское мышление фактически артикулирует отказ от «прежней идеологии науки», тотальную де-универсализацию научного знания, «акцентирует случайности, а не универсальные правила..., различия, а не тождественности» (В. Лейч).

2. Парадоксальность постмодернистской идеологии науки видится в том, что методологические принципы и правила, не появляются спонтанно (вдруг) в результате какой-то интеллектуальной забавы или гениальной выдумки, а осознаются философией в процессе применения создаваемой Картины мира к интерпретации реальности и уже поэтому имманентно имеют номотетически предзаданный, инструментально обязательный характер. Причем, общий вектор и закономерная логика трансформации методологических установок также общеизвестна: от общезначимых и универсально-объективистских форм в период становления, подъема и расцвета исторической общности людей к декадентским формам распада былой цельности мировоззрения, сознательного увлечения неповторимыми и оригинальными способами

выражения крайнего субъективизма и демонстративного оригинальничества – от объективной симметрии высокой классики к субъективной эвритмии эпохи эллинизма в античности, от канонических заветов теоцентризма средневековья к антропоцентризму Возрождения, от номотетизма классической рациональности эпохи модернити через романтическое восстание против всяких норм и правил к иллюзионизму непредсказуемой уникальности индивидуального события в мышлении постмодерна, в котором «неосвязаемые идентичности... ускользают от любых генерализаций» (Х. Арендт).

3. Антропоцентризм – основополагающий момент и ключевая ценность европейской культуры новой и новейшей истории. Это не просто мировоззренческий принцип новоевропейской Картины мира, а вплетенный в непосредственную живую повседневную практику способ организации европейского образа жизни. И если в начале своего революционного становления и расцвета он объединял массы людей, воевал с теократическим мышлением под флагом универсализма и номотетизма, служил основополагающим принципом в создании классической рациональности и науки, то его последующее самоотрицание, диалектически закономерное движение в русле логики *ad absurdum*, ныне служит оправданием контрарных крайностей своеволия индивидуализма, солипсизма, а с ними и постмодернистского растворения какой-либо социальной идентичности в уникальном калейдоскопе индивидуальных событий. Не случайно, главное место в антропологии теперь занимает вовсе не претендующий на универсальность разум, а ненасытное в своем потребительстве индивидуальное тело, которому разум приставлен на службу и всячески ублажает его сомнительные неприродные прихоти: «Центральным для антропологии является тело» (К. Вульф).

4. Сведение Человека к Телу – главный иррациональный результат последовательного применения методологии антропоцентризма в противопоставлении Человека Богу. С одной стороны, его удел – «робинзонада» и биологизаторство в изучении «заброшенного в мир» и обреченного на пассивное созерцание этого мира одинокого тела. В дискуссиях последних лет о свободе воли так называемые «нейрочуждые» экспериментально пытаются доказать примат биологических закономерностей в деятельности мозга перед свободным волеизъявлением индивида. Человек объявляется особого рода животным, проблема происхождения которого антропологами решается не посредством реконструкции социо-антропо-культурогенеза, а на физиологическом уровне,

в сравнительном анализе найденных остатков костей. С противоположной стороны, постмодернизм вынуждено конструирует концепт «тела без органов», как аппликацию идеи об имманентном креативном потенциале децентрированной семантической среды на феномен телесности. В постмодернизме «тело без органов» противопоставляется организму и рассматривается как ризоморфное: «тело без органов – вовсе не противоположность органам. Его враги не органы. Его враг - организм» (Делез и Гваттари). Его принципиальная аморфность, аструктурность, децентрированная хаотичность призвана семантически устранить всякую предметную определенность и репрезентировать непрерывную вариабельность и креативную плюральность.

5. Человек не сводим к животному или отдельному индивиду. Понятие Человек – родовое, рядоположенное понятиям Общество и Культура. Более того, Человек появляется в процессе табуирования (то есть, социального отрицания зоологических законов, и, прежде всего, коллективного подавления зоологического индивидуализма и физиологического доминирования посредством социальных норм) и представляет собой не тело (а, тем более, его кровь, органы и т.п.) но семантически закрепленные правила, схемы-сценарии целесообразного практического движения. Тело не рождается человеком, а перформативно трансформируется под определенную культуру, под конкретный способ активации артефактов и передачи ненаследуемой в генах социальной информации. Ни одно живое существо, кроме человеческого тела, не может двигаться по законам чуждых его телу вещей, поскольку оно рождается биологически функционально сформированным относительно среды. Человеческое же тело, вершина биологической эволюции и естественного отбора, рождается универсальным и может приспособиться к жизни в относительно любой, и, прежде всего, культурной среде Поэтому тело не есть человек, а всего лишь биологический информноситель и активатор ненаследуемой в генах социальной информации. Когда тело движется по биологическим законам генов, оно движется естественно, но не культурно. Когда же оно движется по-человечески, по законам и нормам общества, то оно движется культурно. Поэтому в антропологии антропоцентризму противостоит социоцентризм. А это означает, что Человеке *per se* противостоит индивиду (единичному человеку) и в нем ничего животного нет, он сугубо социален, то есть неестественно создан. Неприродная искусственность Человека проявляется в том, что его бытие невозможно вне предметного тела общества: артефакты являются его искусственными органами, увеличивающие могущество

отдельного индивида «опредмеченными» и отчужденными усилиями других индивидов. Движение тела, поэтому предопределяется инструктивными человеческими нормативами целесообразного использования или «распредмечивания» артефактов. Музыкант, Баскетболист, Кулинар – это не тело, а лицензируемые обществом культурные сценарии телесного движения, активирующие с помощью индивидуального тела предметные формы движения общества и культуры. Об этом прямо свидетельствуют нормативные перечни существующих в обществе профессий и учебных программ подготовки нужного типа Человека (школа) и специалистов.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ ЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ТЕХНИКЕ

В.И. Левин, vilevin@mail.ru

Пензенский государственный технологический университет, г. Пенза, Россия

Наука логика, зародившаяся в IV в. до н.э. в древней Греции, всегда была *логикой мышления* и предназначалась только в качестве средства для построения правильного мышления. Однако в XX в. выяснилось, что *логика позволяет моделировать* поведение множества разнообразных устройств и систем, в основном, технических. Это сыграло важную роль в появлении ряда новых наук – *кибернетики, искусственного интеллекта, вычислительных наук* и т.д. и способствовал быстрому техническому прогрессу общества.

Первая известная работа в данной области относится к 1903 году. Она была сделана австрийским ученым Р. Эдлером и посвящена моделированию и проектированию *релейно-контактных схем (РКС)* для управления переключением различного электрического оборудования (осветительные приборы, электродвигатели и т.д.). Метод Эдлера состоял в следующем: 1) выборе, исходя из заданных условий переключения, возможных путей движения тока в РКС; 2) совместном упрощении системы выбранных путей

выделением общего для различных путей элемента и преобразованием системы в разветвляющуюся из общего элемента, где ветви уже не содержат общих элементов; 3) повторении процедуры п. 2 до получения тупиковых планов путей тока, из которых уже невозможно выделить общие элементы; 4) переходе от тупиковых планов путей тока к соответствующим РКС путем замены путей движения тока проводниками с размещенными в нужных местах контактами реле. Этот метод получил название *метода перехода* от условий переключения к переключательной схеме, а направление в целом – название *теории (науки) переключений*. Оно разрабатывалось учеными Австрии, Германии и Швейцарии в течение 50 лет, сопровождалось публикацией свыше 100 работ (в т.ч. нескольких монографий – Р. Лишке в 1911 г., Р. Эдлера в 1927 г. и др.) и завершилось введением в 1940 г. германского стандарта на расчет и проектирование РКС. По существу, все ученые, работавшие в данном направлении, использовали для представления и упрощения РКС *схемную алгебру логики*, в которой параллельному соединению соответствовало логическое сложение, а последовательному – логическое умножение, при распределительном законе для умножения относительно сложения, что и обеспечивало возможность выделения общего элемента из параллельных ветвей. Однако факт использования алгебры логики не был никем отмечен.

В 1910 г. известный российско-австрийский физик П. Эренфест в рецензии на русский перевод книги французского ученого Л. Кутюра «Алгебра логики» указал на возможность использования для исследования структуры РКС, применяемых в телефонии, булевой алгебры логики. При этом он, видимо, не знал, что алгебра логики, по существу, уже используется в течение ряда лет для решения аналогичных задач. Далее, в 1935–37 годах была опубликована серия статей японского ученого А. Накашимы (в.т.ч. одна в соавторстве с М. Ханзавой), в которой, по-видимому, впервые была сформулирована логико-алгебраическая модель РКС. При этом автор не называет используемый математический аппарат булевой алгеброй логики, чем он, по существу,

является. В работах показано, что функция проводимости схемы, выражающая состояние РКС через аналогичные состояния контактов ее реле (проводит ток – 1, не проводит ток – 0), есть, по существу, булева логическая функция. В этих работах показано, что существует взаимно-однозначное соответствие между РКС и их функциями проводимости. В частности, последовательному и параллельному соединению контактов реле соответствуют логическая конъюнкция и дизъюнкция. Так что эквивалентному преобразованию функции проводимости по законам булевой алгебры логики отвечает эквивалентное преобразование топологии РКС, что можно использовать для формализованного анализа и синтеза РКС. В 1938 г. вышла работа американского ученого К.Э. Шеннона, которая по рассмотренным задачам, методам их решения и используемым идеям аналогична работам А. Накашимы, однако в ней используемый математический аппарат впервые назван своим именем – булева алгебра логики, – а соответствие между логическими выражениями и РКС проведено более последовательно. Вполне возможно, по этим причинам большинство позднейших публикаций признают именно К.Э. Шеннона первооткрывателем логического моделирования РКС (более широко – дискретных схем). В том же 1938 году была защищена диссертация австрийского ученого А. Риттера, содержащая методы и результаты, аналогичные шенноновским. В 1939 г. была опубликована серия из двух работ немецкой исследовательницы Х. Пиш, в которой на базе работ А. Накашимы, М. Ханзава и неопубликованных работ австрийского ученого О. Плехля было проведено некоторое методическое усовершенствование логико-алгебраического моделирования РКС и его опробование на большом числе конкретных РКС. В 1940 г. советский ученый В.А. Розенберг показал, что логико-алгебраический подход пригоден к исследованию не только РКС, полученных суперпозицией только последовательных и параллельных подсхем (как было во всех предшествующих работах), но также и РКС, содержащих мостиковые подсхемы. В 1941 году была опубликована статья советского ученого В.И. Шестакова – основная часть его диссертации,

защищенной в 1938 году, в которой впервые сформулирована логико-алгебраическая модель обычных (бесконтактных) линейных электрических схем, представленных суперпозицией последовательного и параллельного соединения элементов – резисторов, индуктивностей, конденсаторов. Оказалось, что функция сопротивления (проводимости) схемы есть логическая функция от сопротивлений (проводимостей) ее элементов в специальной континуальной алгебре логики электрических схем. При этом, как и в модели релейно-контактных схем, существует взаимно-однозначное соответствие между схемами и их функциями сопротивления (проводимости), последовательному и параллельному соединению элементов соответствуют логические операции конъюнкция и дизъюнкция (сложение сопротивлений и сложение проводимостей). В континуальной алгебре логики Шестакова выполняются некоторые (но не все) из законов булевой алгебры логики, использованной для моделирования РКС. В вырожденном случае, когда электрическая схема переходит в РКС, описывающая ее континуальная алгебра логики переходит в булеву алгебру логики. В 1943 году О. Плехль в своей диссертации нашел общую физическую основу для различных математических представлений РКС (включая логические) и вывел из этого некоторые общие законы и методы решения схемных задач. В первой половине 1940-х годов значительные исследования в теории РКС провел советский ученый М.А. Гаврилов. В результате методика формализованного синтеза РКС с помощью булевой алгебры логики была существенно усовершенствована и распространена на РКС с мостиковыми подсхемами и одновременно срабатывающими реле.

Работы Р. Эдлера, А. Накашимы, К. Шеннона, В.И. Шестакова и других ученых открыли *логико-алгебраическую модель статики работы РКС*. Что касается изучения *динамики работы РКС* и других дискретных схем, то эта задача оказалась существенно иной и значительно более сложной, требующей для своего решения совершенно иных идей, подходов, а также математического аппарата. Поэтому лишь в **1971 г.** была открыта *логико-алгебраическая модель*

динамики работы дискретных схем (В.И. Левин). Оказалось, что любая такая схема, статика работы которой описывается булевой алгеброй логики, имеет динамику, адекватно описываемую *непрерывной логикой (НЛ)*. Таким образом, как динамику дискретных схем, так и их статику, оказалось возможным изучать с помощью алгебры логики, хотя и другой (непрерывной, а не дискретной). Это связано с тем, что в дискретных схемах (в частности, РКС), дискретны только состояния, а время непрерывно.

Библиографический список

1. Edler R. Der Weg von den Schaltbedingungen zum Stromlauf-schaltplan // Elektrotechnik und Maschinenbau. – 1944. – № 3/4.
2. Эренфест П. Рецензия на книгу Л. Кутюра «Алгебра логики» // Журн. Рус. физ.-хим. об-ва. – 1910. – №. 2.
3. Nakashima A., Hanzawa M. The Theory of Equivalent Transformation of Simple Partial Paths in a Relay Circuit // Communication Engineers of Japan. – 1936. – № 165; 1937. – № 167.
4. Shannon C.E. A Symbolic Analysis of Relay and Switching Circuits // Trans. AIEE. – 1938. – V. 57.
5. Ritter A. Beitrage zur Schaltlehre. Dissertation an der Technischen Hochschule. – Wien, 1938.
6. Piesch H. Begriff der allgemeinen Schaltungstechnik // Archiv für Elektrotechnik. – 1939. – Bd. 33. – № 10.
7. Розенберг В.А. Задача о блокировке и преобразование контактных групп // Автоматика и телемеханика. – 1940. – № 1.
8. Шестаков В.И. Алгебра двухполюсных схем, построенных исключительно из двухполюсников (алгебра А-схем) // Журн. техн. физики. – 1941. – Т. 11. – Вып. 6.
9. Plechl O. Die Kombinatorik der Strompfade elektrotechnischer Schaltungen. Dissertation an der Technischen Hochschule. – Wien, 1943.
10. Гаврилов М.А. Теория релейно-контактных схем. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.

11. Plechl O. Elektromechanische Schaltungen und Schaltgeräte. – Wien: Springer, 1956.

12. Левин В.И. Введение в динамическую теорию конечных автоматов. – Рига: Зинатне, 1975.

**О ПРЕПОДАВАНИИ ЛОГИКИ, ФИЛОСОФИИ, МЕТОДОЛОГИИ
И ИСТОРИИ НАУКИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

Пензенский государственный технологический университет, г. Пенза, Россия

Изучение любой науки начинается с освоения ее языка, знакомства с основными понятиями и базовыми теоретическими положениями. Это длительный и сложный процесс, требующий больших интеллектуальных усилий. Знакомство с базовыми понятиями философии и методологии науки сопряжено с дополнительными трудностями. Дело в том, что философия науки и методология научного познания были признаны в качестве самостоятельных разделов социально-гуманитарного знания только в середине XX века. При этом рассматриваемые ими проблемы до сих пор являются дискуссионными, а многие понятия находятся в стадии оформления и не имеют устоявшегося и общепринятого определения.

В связи с указанными трудностями и для их преодоления в процессе преподавания студентам, магистрантам и аспирантам нефилософских специальностей курсов «Логика и методология науки», «Философия и история науки» и «Философия и методология науки» за основу нами взято изложение некоторого минимального набора базовых понятий и теоретических положений указанных курсов. Это изложение дано в специальном учебном пособии [1], подготовленном в форме толкового словаря терминов базовых понятий. Такой подход дает возможность магистрантам, аспирантам и студентам знакомиться с категориальным аппаратом философии, истории и методологии науки. Излагаемые в пособии определения 700 базовых понятий даются в соответствии с современными трактовками как общефилософских проблем, так и проблем истории и методологии науки.

Содержание учебного пособия [1] направлено на формирование у студентов, магистрантов и аспирантов следующих качеств: 1) понимания многогранности и противоречивости современного этапа развития человечества, а также специфики постнеклассического этапа развития науки,

исследующего сложные саморазвивающиеся системы на основе междисциплинарных методологий; 2) методологической компетенции – способности анализировать и правильно использовать методы научного исследования, учитывая наличие этических границ в процессе проведения экспериментов с «человекообразными» комплексами; 3) готовности осуществлять экологическую и гуманитарную экспертизу полученных научных результатов, нести моральную ответственность за их практическое применение; 4) ценностно-мировоззренческих позиций, которые позволяют не только действовать в рамках этических норм науки, осуществляя личное самоопределение, но и выбирать ответственную гражданскую позицию.

Литература

1. Левин В.И. Философия, история и методология науки. – Пенза: Изд-во Пензенской гос. технологической академии, 2010.

Николаева Е.В.

Московский государственный университет дизайна и технологии

Цифровое и/или телесное: эстетические диффузии постнеклассического искусства

С развитием цифровых технологий эстетика множественности смыслов и соединения несоединимого, характерная для постмодернистского искусства, существенно усложнилась. Эстетическим и концептуальным основанием искусства к. XX – н. XXI века являются пропозиции постнеклассической социокультурной парадигмы: высокие (цифровые) технологии, мультимедийность, детерминированный хаос как системообразующий принцип, нелинейность динамических процессов.

В рамках постнеклассической парадигмы возник широкий спектр художественных практик, называемых искусством новых медиа и

включающих в себя цифровое искусство (digitalart), алгоритмическое искусство (фрактальное искусство, нет-арт и т.п.), медиа-арт, научное искусство (sci-art), био-арт и пр. В столкновении художественного и социально-философского дискурса, порожденном неординарным соединением технологий, инструментальных приемов, видов и жанров искусства, науки и медиа, возникают самые разные арт-объекты, которые принято относить к категории гибридного искусства.

По существу, в постнеклассическом искусстве развиваются и диффундируют две эстетические тенденции: одна из них эксплуатирует специфические возможности технологий новых медиа, другая актуализирует феномен телесности в ее физической данности. Им присуща, соответственно, виртуальная или материальная форма воплощения художественных образов.

Особый интерес представляет модус человеческого тела в художественных репрезентациях этих двух типов, когда физические или виртуальные манипуляции с телесностью являются одновременно эстетическим приемом и алгоритмом смыслопорождения.

На примере работ известных медиа-художников можно проследить, как увеличивается степень дегуманизации человеческого тела и отчуждения его от естественных форм экзистенции как в искусстве новых медиа, так и в «традиционном» искусстве. Человек и его тело в постнеклассическом искусстве из носителя эстетического начала превращается в знаковое средство цифровой эпохи.

Так британский скульптор Энтони Гормли (Antony Gormley) наряду с многократно умноженными в пространстве чугунными «естественными» человеческими фигурами («Critical Mass», 1995, «Another Place», 1997, «Event Horizon», 2007) создает стальных людей в виде «квантовых облаков» («Quantum Cloud», 1999, «Domain Field», 2003) или «молекулярных» сгустков (Bodies in Space, 2001 и др.), легионных «людей» («Quarters», 2005, «Contract», 2011, «Daze», 2014 и др.) киборго-подобных «терминаторов» («Expansion Field», 2014–2015). А в его проекте «One & Other» более двух тысяч человек, которые по очереди превращались в «живую» статую на постаменте, репрезентировали социально-антропологические, культурные, политические и коммуникативные срезы глобального мира.

Американский фотохудожник Спенсер Туник (Spencer Tunick) выстраивает множество обнаженных людей в абстрактные композиции, разрушая тело как индивидуальное «я» и создавая взамен некое другое,

коллективное тело, встроенное в урбанистической или природный ландшафт, но никак не соотносящееся с пространством социума и культуры.

Сербская художница Марина Абрамович использует в качестве художественного материала собственное обнаженное тело, сосредотачивается на противостоянии боли, исследуя физические пределы тела.

Австралийский перформансист Стеларк идет еще дальше. Стеларк не только подвешивает на стальных крюках свое обнаженное тело над оживленной улицей, вживляет себе на руку искусственное ухо с возможностями телекоммуникации и т.п., объявляя человеческое тело рудиментом (*the human body is obsolete*), он создает с помощью робототехнических устройств и биотехнологий альтернативные интерфейсы собственного тела, проникая в его самые физиологические глубины (например, снимает фильмы о том, что происходит *внутри* его тела). Британского фотохудожника Ника Визи (Nick Veasey) также интересует внутренний «мир» человека, запечатленный с помощью рентгеновских лучей: в качестве арт-объектов выступают черно-белые фотографии скелетов.

Бельгийский художник Лоренс Мальстаф (Lawrence Malstaf) помещает людей между двумя слоями пленки, словно в «вакуумную» упаковку. Наконец, Гюнтер фон Хагенс (Gunther von Hagens), немецкий анатом, который изобрел особую технику пластикации, превращает в экспонаты мертвые человеческие тела. Мертвецы с обнаженными мышечными тканями играют на саксофоне, скачут на лошади, занимаются сексом. Живые люди смотрят на них как на анатомические манекены. Человеческая телесность отчуждается от важнейшего во всех культурах перехода в мир мертвых.

Таким образом, движение к максимальной степени обнаженности оборачивается снятием с человека не только всех одежд, но и физиологических и вообще любых морально-этических покровов.

С другой стороны, человеческая телесность в ее виртуальной ипостаси также подвергается самым разным трансформациям. При этом цифровые технологии новых медиа делают возможной невероятно зрелищную, немислимую в «первой» реальности репрезентацию телесного.

Среди наиболее ярких примеров такого рода – фотографии французского фотодизайнера Вероники Пешо (Véronique Pêcheux) и польского графического дизайнера Адама Мартинакиса, лазерные «портреты» в технике фрактальной абстракции Виктора Рибаса и т.п., на которых человек предстает как визуализация некой цифровой дегуманизированной сущности в неевклидовом пространстве постнеклассической картины мира.

В алгоритмическом искусстве человек в его физической телесности уже полностью растворяется в цифровых формулах и конфигурациях, например, антропоморфные персонажи Рича Жарзомбека (Rich Jarzombek) буквально собраны из фрактальных линий и форм.

Абсолютное перекодирование человека в цифровые образы происходит в мультимедийном искусстве, когда телесно-кинестетический опыт зрителя/участника превращается в его цифровое «отражение», динамический визуальный референт, не обладающий уже никакими признаками человеческого «я» («Оптикон», Филипп Декуфле (Philippe Decouflé); «QuantumSpace», И. Татарников и др.; «QI-СНІ», А. Шаляпин и др.).

При очевидном противоположном генезисе произведений искусства, работающих с физической и цифровой материей, и те, и другие, предлагая принципиально иные семантические коды и принципиально иную эстетику художественной образности, радикально изменили, переформатировали экзистенциальные смыслы человеческого телесного и социокультурного бытия.

В постнеклассическом искусстве и Человек Физиологический, и Человек Оцифрованный предстают в своей неисчерпаемой, порой ужасающей, глубине и многомерности, будучи частью культуры «дабл-пост» и неся на себе отпечаток личного и коллективного (бес)сознательного художника и эпохи.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

- Антипов Г.А. Традиции, инновации и эволюция. 2-3 с.
- Боброва А.В. Природа рассуждений Ч.С. Пирса. 3-4 с.
- Воеводина Л.П. Культура музыкального восприятия личности: к проблеме изучения. 4-8 с.
- Волков А.Г. Эссенциализм VS Экзистенциализм. 8-9 с.
- Демина Л.А. Крымско-татарская проблема: история и современное состояние. 10-12 с.
- Жалдак Н.Н. Вывод в практической логике естественного языка. 12-16 с.
- Жалдак Н.Н. Категории философской методологии социально-гуманитарных исследований. 16-19 с.
- Зайцев Д.В. Незнание не освобождает от ответственности. 20-21 с.
- Казина Н.В. Деструктивные тенденции музыкальной рок-культуры в контексте антропологического кризиса. 20-24 с.
- Карелин Н.В. Эффективность коммуникации: диссенсусно-перформативная проблема. 24-26 с.
- Кизима В.В. Инновации как целенаправленные преобразования скрытых возможностей человека и бытия в явные результаты . 26-29 с.
- Кулагина Е. Blogging in Education: Risks and Advantages. 30-32 с.
- Кутузова Е. Концепт будущего: инновационные перемены и способность прогнозирования. 32-35 с.
- Лисанюк Е.Н. Три вида аргументации и классификация диалогов Уолтона-Краббе. 36-42 с.
- Макуха Г.В. Проблема существования человека в основных философских дискурсах. 43-46 с.
- Малышкин Е.В. Коммуникация в условиях распределенного знания. 46-47 с.

- МАЛЫХИНА Г.И. Философско-мировоззренческие аспекты современной теории аргументации. 48 – 51 с.
- Мануйлов В.Т. Методологические принципы «Немецкого конструктивизма». 52-56 с.
- Михайлов В.В. К проблеме снятия негативных социальных ограничений. 56 – 59 с.
- Мезенцев Ю.Л. Ноосферное мировоззрение и проблема риска. 59-61 с.
- Нырков М.Ю. Монокультурная экспансия как проблема глобализации культуры. 62 – 64 с.
- Переход С.О. Восточно-христианская цивилизация: теоретико-методологические проблемы современной идентификации. 64-65 с.
- Пороховская Т.И. Моральная риторика в политическом дискурсе. 66 – 68 с.
- Рубанцова Т. А. Проблема формирования гражданского общества в России в рамках рационального консенсуса. 68-73 с.
- Титов А.В. Обобщенный нестандартный анализ и исследование форм логического исчисления на основе структур значений оценки. 73 – 75 с.
- Титов А.В. Проблема формирования методологии математического моделирования задач прогнозирования и управления развитием сложных систем. 76 – 77 с.
- Фахрутдинова А.З. Современный российский театр в борьбе за духовнолидерство: тенденции и конфликты. 77-80 с.
- Чудомех В.Н. Культурные традиции как аттракторы и направители развития человечества. 80-86 с.
- Шапиро О.А. Стратегии преодоления конфликтов в сетевой коммуникации . 86 – 89 с.
- Шиповалова Л.В. Практики поиска согласия между однозначностью рассудка и множественностью способности суждения. 89 – 92 с.
- Шиян Т.А. Об определении предмета формальной логики. 92 – 95 с.
- Склипис Е.В. Проявления архаичных славянских мифологических представлений в фольклоре. 95-97 с.

Грыжук Е.С. Religio licita или проблема легитимизации религиозного объединения в России на примере пастафарианства. 97 – 100 с.

Рыскельдиева Л.Т. Актуальность философской текстологии (против филологизма). 100-102 с.

Воеводин А.П. Методологические вызовы философской антропологии. 102-105 с.

Левин В.И. История открытия логического моделирования в технике. 106-110 с.

Левин В.И. О преподавании логики, философии, методологии и истории науки в техническом ВУЗе. 110-111с.

Николаева Е.В. Цифровое и/или телесное: эстетические диффузии постнеклассического искусства. 113-116 с.